Свѣтъ — Lumière

Іюнь — **Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ** — 1932

REVUE ILLUSTRÉE RUSSE MENSUELLE

фото Ивана Николенко

ГОРДОСТЬ

№ 1.

ЦѢНА PRIX 3 fr. 50

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННО-АРТИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Цѣна отдѣльнаго номера 3 фр. 50 с.

Подписная цѣна:

(Франція и колоніи):

1 годъ	.....	40 фр.
6 мѣсяцевъ	.....	21 »
3 мѣсяца	.....	11 »

Въ Польшѣ и Латвіи цѣна номера — 1 ½ злота.
Внѣевропейскія страны — 20 ам. центовъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ по адресу:

"LUMIÈRE"

Revue illustrée russe mensuelle

4, rue de Turin, Paris (8e) -:- Tél.: Europe 60-59

СВѢТЪ

4, RUE DE TURIN, PARIS (8e)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1 ГОДЪ
Франція и колоніи .... 40 франковъ
Остальныя страны ..... 60 франковъ

Téléphone : Europe 60-59

ПОДПИСНОЙ КУПОНЪ

Оторвите этотъ купонъ и пошлите его редактору „СВѢТА“ — 4, RUE DE TURIN, PARIS (8e)

Я нижеподписавшійся (имя и фамилія)

проживающій (указать адресъ),

подписываюсь на журналъ „СВѢТЪ“ срокомъ на года, начиная отъ № *(указать номеръ и мѣсяцъ).*

Прилагаю при семъ сумму въ *франковъ.*

Деньги можно посылать въ конвертѣ (билетами), почтовымъ мандатомъ или же chèque barré.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1 ГОДЪ
Франція и колоніи ..... 40 фр.
Остальныя страны ..... 60 фр.

193

Подпись

ФОТО-СТУДІЯ

Ivan

Nikolenko

ПОМѢЩАЕТСЯ

278, Bd RASPAIL, 278

Tél.: Danton 58-74.

Предъявившимъ боны отъ журнала «СВѢТЪ» — дѣлается 50% скидки.

Ermitage

Moscovite

24, RUE CAUMARTIN, 24.

Tél.: Central 52-42.

Во время обѣда и ужина выступаютъ:
ЕЛЕНА ФРЕЙ

Квартетъ терскихъ казаковъ
СВѢТЛАНОВЫХЪ

Оркестръ ЖАНА ГУЛЕСКО

Tango Orlando.

Дир. А. РЫЖИКОВЪ.

Рентгеновскій Кабинетъ

при клиникѣ

120, BOULEVARD DE GRENELLE

Діагностика внутреннихъ болѣзней и костей.

Производство снимковъ ежедневно по умѣреннымъ цѣнамъ.

Докторъ Я. ХОЧОЛАВА.

KALINA

TAILLEUR

11, Rue Marbeuf, 11

PARIS (8)

Téléphone: Balzac 28-25

Артистическое кабарэ—Дансингъ

„Шехерезада"

3, Rue de Liége, 3.

Tél.: Trinité 41-68

Слѣва направо: Знаменитый кинематографическій артистъ Ив. Мозжухинъ, знаменитая русская танцовщица А. Аланова, баронъ Вл. Еф. Фрейганъ, А. И. Нагорновъ и извѣстная кино-артистка мадамъ Петерзонъ.

Шампанское 150 фр. Консомація 45 фр.

Rédaction, Administration
et Publicité :
4, Rue de Turin, PARIS (8e)
Tél. : Europe 60-59
◇

СВЯТЬ

Адресъ редакціи
и пріемъ объявленій :
4, Rue de Turin, PARIS 8e
Tél. : Europe 60-59
◇

1932 ГОДЪ | ІЮНЬ | НОМЕРЪ 1

Балетмейстеръ Борисъ Князевъ

Конкурсъ „Свѣта“

Въ слѣдующемъ номерѣ журнала «СВѢТЪ» устраивается конкурсъ красоты по фотографіямъ.

Русскія дѣвушки и дамы, желающія принять участіе въ конкурсѣ благоволятъ прислать свои карточки не позже 25 іюня.

Во второмъ іюльскомъ номерѣ появятся фотографіи конкурентокъ, среди коихъ, при участіи читателей, будетъ выбрана «королева фотогеничности русской колоніи».

Избранная получитъ отъ дирекціи «СВѢТЪ» премію — 500 франковъ наличными.

СВѢТЪ

4, rue de Turin, Paris (8)
Tél.: Europe 60-59.

Журналъ приглашаетъ молодыхъ писателей и поэтовъ сплотиться вокругъ «СВѢТА». Интересные злободневные репортажи, разсказы, очерки, стихи, рѣдкія фотографіи, — все это интересуетъ дирекцію «СВѢТА», которая поставила себѣ цѣлью, не гоняясь за громкими именами авторовъ, предоставить живой и увлекательный матеріалъ, русской читающей публикѣ за-границей.

ДИРЕКЦІЯ.

А. И. КУПРИНА

Недавно одинъ недоучившійся ученикъ мозольнаго оператора написалъ обо мнѣ (не знаю по какой причинѣ) глупую и тупую статью, въ которой безстыдно оболгалъ всю мою личную интимную жизнь, мирно протекавшую въ отдаленныя, еще довоенныя времена.

Эти беззубые укусы не ранили, даже не обезпокоили меня. Мало ли къ какой печатной грязи и къ какой литературной подлости не привыкнешь, занимаясь болѣе сорока лѣтъ тяжелой писательской дѣятельностью и стоя у всѣхъ людей на юру!

Но, признаюсь, одинъ изъ выпадовъ слабого фехтовальщика меня, дѣйствительно, ошеломилъ.

«Какъ низокъ былъ культурный и соціальный уровень Куприна видно изъ того, что его первыми друзьями, лучшими компаньонами и любимыми гостями всего являлись люди изъ цирка, циркачи, жалкіе, безграмотные кривляки».

И это онъ сказалъ правду. Къ его словамъ я могу, кстати, прибавить, что не только одни артисты цирка дарили меня открытой дружбой, но также и профессіональные борцы, хозяева звѣринцевъ, и укротители львовъ, первые, по времени, авіаторы, знаменитые актеры и музыканты, и пѣвчіе изъ Казанскаго Собора и изъ каппелы, и цыгане, и рыбаки, и лѣсничіе, и даже... контрабандисты.

И всегда ихъ приходъ и пріѣздъ ко мнѣ бывалъ для меня искренней радостью, настоящимъ праздникомъ. Ибо всѣ они наивно и крѣпко были влюблены въ свои профессіи, не политиканили, не умничали, понимали шутку, цѣнили ласку и бережно принимали похвалу, идущую отъ чистаго сердца.

Впрочемъ, кривляться и задаваться было у меня какъ то неудобно: очень ужъ воздухъ былъ тогда простой и правдивый, а глаза у всѣхъ зоркіе и примѣтливые.

Всѣхъ этихъ милыхъ спутниковъ моей пестрой жизни я до сихъ поръ вспоминаю четко и благодарно, но, самъ не знаю почему, особенно ярко запечатлѣлись въ памяти моей лица цирковыхъ артистовъ, знакомство и встрѣчи съ ними и часы, проведенные вмѣстѣ.

Не отъ того ли, что первымъ большимъ публичнымъ зрѣлищемъ восхитившимъ и очаровавшимъ меня навсегда, былъ вечеръ, въ циркѣ Соломонскаго на Цвѣтномъ въ Москвѣ?

Или потому, что домашняя, внутренняя жизнь цирковыхъ людей, ихъ обычаи, привычки, суевѣрія, симпатіи, антипатіи, ихъ будни, послѣ всегда праздничнаго, блистающаго огнями, золотомъ и ослѣпительными костюмами цирка, съ его музыкой и торжественнымъ ритуаломъ, ихъ выборъ своей профессіи, ихъ подготовка, ихъ постоянная тренировка — все это совершенно невѣдомо сотнямъ и тысячамъ зрителей, густо наполняющимъ ежедневно всѣ цирки?

Вѣроятно и то и другое, не считая еще моей давней, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, страстной любви къ физическому спорту всякаго рода. Въ 1894-омъ году я оставилъ военную службу и пріѣхалъ, самъ не зная для чего, въ Кіевъ. Первымъ моимъ штатскимъ занятіемъ стало репортерство въ тамошнихъ двухъ газетахъ.

Пріѣзжіе цирки, сначала Труцци, потомъ

Суръ, неизмѣнно посылали каждый день свои пригласительные билеты въ обѣ редакціи.

Редакторы, редакторши, ихъ дочки и сыновья разъ, или два въ годъ, высочайше соизволивали посѣщать циркъ, чтобы проглядѣть съ надменнымъ презрѣніемъ одну десятую часть программы и затѣмъ уѣхать (вѣдь, они уже носили на себѣ высокую печать представителей интеллигенціи), но, напечатать въ своей газетѣ хоть бы три строчки петитомъ, они считали неприличнымъ и грязнымъ поступкомъ, выходящимъ за предѣлы соціальной культуры.

Сотрудники были тѣхъ же мнѣній и, такимъ образомъ, билетами въ циркъ пользовался исключительно я.

Въ тѣ годы Кіевъ былъ богатъ, знатенъ, широко и весело жилъ и страшно увлекался зрѣлищами.

Деревянный большой циркъ его, во время представленій всегда бывалъ переполненъ до краевъ. И какіе великолѣпные цирковые артисты въ немъ работали! Джелисъ Кукъ — знаменитый жокей и жонглеръ, **Марія Годфруа,** никѣмъ до сихъ поръ не превзойденная наѣздница и волтижерка, семья Джерети, семья Бенедетти, семья Суръ, семья Трущи, гастроли обоихъ Дуровыхъ, удивительнѣйшій клоунъ — рыжій, долговязый французъ Рибо, заставлявшій своими гротесками, шутками и пародіями хохотать кіевскую публику до слезъ, до упада, до изнеможенія, до потери голоса.

Помню я Анунціату Бенедетти. Она работала на туго натянутой проволокѣ, укрѣпленной на высотѣ купола.

Въ тотъ вечеръ она была особенно въ ударѣ: работала легко, непринужденно и изящно. Я сидѣлъ въ партерѣ. Сзади меня помѣщался какой-то шикарный студентъ со шпагой, въ мундирѣ, съ шелковой бѣлой подкладкой. Сдѣлавъ всѣ обычные номера, какіе полагается продѣлывать на проволокѣ, Анунціата стала осторожно нагибаться, чтобы лечь горизонтально на проволоку и пролежать на ней, обмахиваясь вѣеромъ, около десяти секундъ. Вдругъ, тихій и спокойный голосъ студента еле слышно сказалъ за мной: «Сейчасъ она упадетъ». Но Анунціата очень увѣренно продолжала опускаться тѣломъ въ розовомъ трико вдоль тонкой проволоки. Наконецъ, она легла совсѣмъ и уже поднесла раскрытый вѣеръ къ своему лицу... Какъ вдругъ раздался негромкій, какъ бы удивленный крикъ и артистка быстро упала на манежную тырсу, ударившись головой о барьеръ.

Весь циркъ переполошился, послышались дамскія, истерическія восклицанія. Анунціату отнесли съ манежа за занавѣсъ. Но зрители не переставали волноваться, послышались недовольные, мужскіе голоса...

Тогда, черезъ четверть часа, Анунціата опять вышла на манежъ, поддерживаемая подъ руки двумя артистами. Она движеніями головы поклонилась партеру, бельэтажу и высокому градену.

Я видѣлъ въ эту минуту ея блѣдное, страдающее лицо и утомленную, но прекрасную улыбку. Паденіе Анунціаты было изъ нехорошихъ. Она на всю жизнь осталась съ легкой, чуть замѣтной хромотой, и ея цирковая карьера окончилась. На ней въ скорости женился молодой Штифлеръ, сынъ хозяина самого людного и самого шикарнаго кафэ въ Кіевѣ. Говорятъ, они потомъ были очень счастливы. Анунціата же осталась навсегда доброй покровительницей всѣхъ цирковыхъ и постоянной посѣтительницей цирка.

Ахъ... ни циркъ, ни театръ, ни цыганъ, ни первую любовь никогда не забудетъ тотъ, кто ихъ узналъ душою и сердцемъ, а не забывчивыми глазами и не разсѣянными ушами.

У суроваго, маленькаго старика Сура было двѣ дочери: старшая Марта, работала высшую школу парфорсной, верховой ѣзды. Ольгина спеціальность была джигитовка и граціозная ѣзда на панно съ перепрыгиваніемъ черезъ барьеры, обтянутые бумагой, обручи, а такъ же — изящные позы и прыжки на галопирующей лошади.

Ей тогда было не больше 17-ти лѣтъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что въ эту пору весь мужской Кіевъ былъ поголовно и безнадежно влюбленъ въ милую, очаровательную Ольгу. Ее никакъ нельзя было назвать красавицей въ блестящемъ жанрѣ общепризнанныхъ королевъ красоты, вродѣ Клео д'Эмеродъ и Лины Кавальери, или въ духѣ тѣхъ томныхъ, сладкихъ, до приторности, красотокъ, которыя украшаютъ витрины эстампныхъ магазиновъ. Она была стройна, изящна, великолѣпно сложена и сіяла всей прелестью юной дѣвушки, только что сбросившей съ себя дѣтскія одежды. Ея взглядъ дарилъ людей радостью; ея улыбка была очаровательна и навсегда незабвенна...

А. Купринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Уже два мѣсяца Хейльбургская крѣпость была тѣсно обложена бандами кроатовъ. Они превосходно понимали, что стѣны крѣпости слишкомъ высоки, а рвы глубоки, чтобы Хейльбургъ можно было взять приступомъ. Эта, воспитанная въ грабежахъ и насиліяхъ вольница, конечно, не сложила бы ни одной головы въ честномъ бою.

Пока защитники крѣпости упорно отбивали каждую попытку сузить кольцо осады, кроаты бродили по окрестнымъ деревнямъ, грабили крестьянъ, насиловали женщинъ и издѣвались надъ мѣстными святынями.

Герцогъ Карлъ-Фридрихъ, владѣтельный князь Хейльбурга и Роткирхена не былъ рожденъ для поля брани. Это была натура утонченная, женственная, преданная наукамъ и искусствамъ. Онъ послалъ гонца къ своему союзнику и другу курфюрсту Саксонскому, но этотъ послѣдній, занятый внутренними дѣлами, пока не могъ оказать ему дѣйствительной помощи.

Совершенно другого склада была герцогиня — честолюбивая и гордая Софія-Шарлотта. И кто бы могъ думать, что подъ этой ангельской внѣшностью, таилось сердце неутомимаго борца! Она забросила кружева, вѣера и наряды и, облачившись въ стальные доспѣхи, съ тремя павлиньими перьями на золотомъ шлемѣ, каждое утро и каждый вечеръ обходила неприступныя стѣны.

Она ободряла малодушныхъ, приказывала вѣшать трусовъ и измѣнниковъ и бросала осаждающимъ мужскія ругательства.

Уныло тянулось время. Башенные часы вели ему неумолимый счетъ. Но Карлъ-Фридрихъ давно уже сбился со счета, и ему казалось нерѣдко, что время остановилось. Такъ однообразны были эти осенніе дни въ осадѣ.

По вечерамъ, когда жизнь въ крѣпости замирала, а кроаты, пресытившись насиліями и упившись виномъ изъ городского погреба, безпечно храпѣли въ лагерѣ, ярко пылалъ каминъ въ громадной залѣ замка.

Г. Немировичъ Данченко.

Герцогскія дѣти — двѣнадцатилѣтній Гвидо и семилѣтняя Агнеса — уже сладко спали въ своихъ постеляхъ. Герцогъ допивалъ послѣдній кубокъ со своимъ мундъ-шенкомъ. Софія-Шарлотта, утомленная дневной напряженностью, въ сотый разъ разсматривала планъ крѣпости, словно отыскивая на немъ уязвимыя точки, черезъ которыя могла бы неожиданно придти гибель.

А, когда виночерпій уходилъ съ глубокимъ поклономъ, пожелавъ спокойной ночи, супруги, точно повинуясь какому-то тайному голосу, смотрѣли другъ на друга съ молчаливымъ вопросомъ:

— Ты развѣ не хочешь спать, Карлъ? спрашивала она, щуря свои большіе, зеленые глаза, предъ которыми трепетала душа герцога.

Онъ любилъ свою жену безумно. Любилъ ея бѣлое тѣло валькиріи, рожденной, чтобы вдохновлять на подвиги героевъ. И при мысли о томъ, что герцогиня можетъ стать добычей грязныхъ

разбойниковъ, желчь разливалась въ немъ змѣинымъ ядомъ, и онъ хотѣлъ умереть.

Любилъ ли герцогъ ея душу? Онъ бы самъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Тринадцать лѣтъ тому назадъ онъ женился на ней скорѣе по соображеніямъ династическаго и политическаго свойства, чѣмъ по любви. Въ его загородномъ замкѣ были у него дѣвушки и покорнѣе, и красивѣе.

Но разъ на охотѣ, когда Софія, разгорячённая дикой скачкой за вепремъ, а Карлъ-Фридрихъ съ трудомъ поспѣвалъ за ней на взмыленномъ ворономъ жеребцѣ, юная принцесса затянула поводья своей золотистой кобылы, чтобы перевести духъ. Лошади жадно обнюхали другъ друга. И, точно повинуясь инстинкту двухъ красивыхъ животныхъ, молодые люди смотрѣли другъ на друга.

Въ осеннемъ лѣсу падали листья. Гдѣ-то перекликались рога егерей, возвѣщая гибель затравленному звѣрю. Молодой герцогъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, сгорбившись, и тяжело, нерадостно было у него на душѣ.

— Я люблю васъ, Карлъ, сказала Софія серьезно и просто, и вы будете моимъ мужемъ. Я вѣрю, что мы будемъ очень счастливы!

Черезъ два мѣсяца сыграли торжественную и пышную свадьбу, и молодые зажили во вновь отдѣланномъ крылѣ замка.

Его чувство къ ней созрѣло и укрѣпилось, когда она родила ему Гвидо. Тогда понялъ онъ смыслъ брака, который до той поры пугалъ его.

А, когда, послѣ крестинъ на голубой подушкѣ ему поднесли его первенца, маленькое существо съ чертами лица, собранными въ одну точку и красными сморщенными ручками, герцогъ почувствовалъ къ сыну такую нѣжность, что цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ. Міръ отцовства, міръ утвержденія ихъ старинаго рода и будущности славнаго герцогства.

«Онъ будетъ каждый день расти и мѣняться», думалъ Карлъ: «и внесетъ разнообразіе въ будни семейной жизни. И когда Гвидо начнетъ сознательную жизнь, я передамъ ему всѣ мои знанія, я сдѣлаю его такимъ же утонченнымъ и мудрымъ».

Правленіе Карла не было несчастливо. Но и особой удачи онъ не извѣдалъ, ибо все въ герцогствѣ приходилось ему создавать собственными усиліями. И странное дѣло: если герцогъ ошибался, Софія упрекала его тяжко за эту ошибку и говорила:

— Я знала, что это добромъ не кончится...

Но, когда одинъ изъ его плановъ удавался, она приписывала успѣхъ исключительно себѣ.

И это подавляло его. Онъ не могъ сказать, что онъ чувствовалъ бы себя около нея несчастливымъ. Нѣтъ, около нея подъ внимательнымъ взглядомъ ея сѣро-зеленыхъ глазъ, его сердце билось спокойно и ровно. Но, когда она уѣзжала къ своимъ роднымъ, или принимала участіе въ ѣмчарскихъ турнирахъ и охотахъ, а онъ сидѣлъ въ Хейльбургѣ и читалъ по латыни Светонія и Апулея, при мысли о ней изъ его груди вырывался невольный вздохъ.

Онъ подозрѣвалъ ее въ невѣрности. Зная изъ книгъ цѣну женскимъ клятвамъ, представлялъ онъ безсонной, одинокой ночью ее себѣ съ какимъ-нибудь пылкимъ пажемъ, или даже конюхомъ, приглянувшимся ей во время дикой скачки черезъ дремучій лѣсъ.

Она возвращалась какая-то чужая, и нѣсколько дней надо было имъ каждый разъ, чтобы снова привыкнуть другъ къ другу.

За послѣдніе полъ года Софія вдругъ пристрастилась къ шахматамъ. Она видѣла, какъ герцогъ способенъ часами сидѣть за любимой игрой со старыми придворными.

— Это игра не для женщинъ, моя дорогая, — сказалъ Карлъ, когда она попросила его ее научить.

Но Софія была самолюбива и способна. Умно и тонко играла въ карты, словно читала очки и масти у противниковъ. Безъ особаго труда познала она и игру персидскихъ мудрецовъ.

Такъ увлеклась игрой, что была способна играть съ кѣмъ угодно. Горячилась во время игры. Брала назадъ необдуманные ходы и затаивала недовольство, когда проигрывала. И торжествовала, когда дѣлала матъ мужчинѣ-партнеру!

Въ дни осады она особенно охотно играла съ мужемъ. Конечно, она была слабѣе его въ теоріи игры, потому что у нея никогда не хватило бы терпѣнія серьезно заняться игрою по старымъ книгамъ. Это было для нея нестерпимо скучно.

Какъ женщина, она полагалась не на знанія и опытъ въ игрѣ, но на природный инстинктъ, который ей позволялъ разгадывать планы противника.

Съ превосходствомъ мужа въ игрѣ въ шахматы Софія не могла примириться. Она охотно уступала ему Овидія и Апулея, Светонія и Тацита. Но она ѣздила верхомъ, какъ отважный кавалеристъ, фехтовала не хуже своего учите-

ля, стрѣляла безъ промаха въ галокъ на шпицѣ крѣпостной колокольни, плавала, какъ русалка въ бурномъ потокѣ, омывавшемъ Хейльбургъ, когда восходило солнце, и пустынны были его берега.

Но въ шахматы она каждый вечеръ проигрывала Карлу партію за партіей. Точно два молчаливые бойца сходились они за столомъ, покрытомъ черными и бѣлыми квадратами. Долгими часами длился мудрый поединокъ. Точно отъ этого зависѣла ихъ жизненная судьба. Точно въ этомъ безмолвномъ передвиженіи пѣшекъ, слоновъ и коней заключался весь смыслъ ихъ борьбы за главенство въ семьѣ, въ управленіи герцогствомъ.

И когда она проигрывала и читала въ его глазахъ плохо затаенный огонекъ мужского превосходства, Софія могла дойти до бѣшенства. Но она скрывала это подъ миной безразличія и усталости. Уходила въ спальню и, быстро раздѣвшись, ложилась въ постель.

И въ эту ночь онъ былъ отлученъ отъ супружескаго ложа. И на другой вечеръ повторялось то-же самое: опять, словно повинуясь какому-то внутреннему голосу, позабывъ треволненія осады и весь міръ, они тянулись къ роковой шкатулкѣ съ таинственными фигурами и автоматически разставляли ихъ на доскѣ.

Такъ случилось и въ этотъ вечеръ. Они не пошли мирно спать, но рѣшили снова выйти на единоборство и, быть можетъ, въ этотъ вечеръ рѣшить наконецъ, кто изъ нихъ двоихъ господинъ и кто рабъ?

— Тебѣ начинать, — сказала она, когда герцогъ открылъ въ ея рукѣ бѣлую пѣшку.

Карлъ-Фридрихъ долго смотрѣлъ на два ряда вытянувшихся предъ нимъ фигуръ. Наконецъ онъ началъ совершенно необычно, чтобы сразу же поставить ее въ тупикъ. Она смутилась, поблѣднѣла и отвѣтила умно и осторожно. Они медленно сближались пѣшками, обходя другъ друга и избѣгая брать. Зигзагомъ протянулась цѣпь нетронутыхъ пѣшекъ. Какъ карточный домикъ воздвигали они оба прикрытіе для главной аттаки. Но наконецъ Софія не выдержала и прорвала фронтъ. Пѣшки градомъ посыпались въ шкатулку. Образовалась широкая брешь, чрезъ которую выскочили вздыбленные кони и смѣлые слоны. А на задней линіи уже обозначались тяжелой поступью ладьи, ставя подъ угрозу пеструю смѣну черныхъ и бѣлыхъ полей.

Герцогъ двинулъ первый ферзь въ атаку. Онъ не остановился бы предъ тѣмъ, чтобы размѣняться королевами и выиграть конечную игру на выдержкѣ и тонкомъ расчетѣ мужского ума.

Софія-Шарлотта знала это и берегла свою королеву. Точно хлопотливая мать защищала она — эта черная ферязь — тщательно загороженнаго отъ ударовъ неподвижнаго короля.

Но бѣлые кони наскочили, какъ кентавры. Прорвали фронтъ. Заставили черную королеву выйти и принять бой. Она ихъ съ трудомъ отогнала.

Противники перевели духъ и посмотрѣли другъ на друга тяжелымъ взглядомъ.

Софія начала уставать. Мысли вихремъ кружились въ ея головѣ: заботы о дѣтяхъ, о хозяйствѣ, о забеременѣвшей фрейлинѣ, о непрочности старой стѣны около Красной башни. А тутъ еще мужъ рѣшилъ ее снова обыграть сегодня, и мигъ ея торжества надъ нимъ опять откладывался до завтра.

— «Нѣтъ я выиграю сегодня», рѣшила она: «а то онъ окончательно зазнается. Еще, пожалуй, начнетъ вмѣшиваться въ мои распоряженія по защитѣ крѣпости. Вообразитъ, что онъ великій полководецъ».

— Ты, кажется, рѣшилъ меня обыграть, сказала Софія сквозь зубы, какъ будто безразлично: конечно, я играю хуже тебя. И потомъ я устала. Я сегодня совсѣмъ не могу собраться съ мыслями. У меня нѣтъ никакого плана.

— Да, безъ плана играть въ шахматы трудно, — наставительно замѣтилъ герцогъ. Вообще, во всемъ въ жизни нужна система.

— Ты, вѣроятно, хочешь сказать, что женщина неспособна создавать системы? Я знаю тебя. Ты мнѣ всегда даешь понять, что игра въ шахматы — не женское дѣло.

— Ты бы поменьше спорила, отвѣтилъ мужъ миролюбиво. Во время шахматъ, вообще, надо поменьше говорить. Кто горячится, тотъ проигрываетъ.

И онъ смѣлымъ ударомъ отобралъ у жены слона.

Софія смутилась, и рѣзкія морщины обозначились вокругъ уголковъ ея губъ. Она уже не могла скрывать своего раздраженія.

Мужъ посмотрѣлъ на ея кривившійся ротъ.

«Глаза могутъ лгать, подумалъ онъ, улыбка тоже. Но ротъ никогда!». Такъ говорилъ ему одинъ старый скульпторъ, который лѣпилъ въ прошломъ году ихъ бюсты.

— Тебѣ хорошо, сказала она запальчиво: ты играешь въ шахматы съ восьми лѣтъ. Игралъ съ самыми лучшими игроками. Изучилъ теорію. Знаешь, какъ надо начать и какъ кончить. А я играю безъ всякаго плана.

— Такъ почему же ты играешь безъ плана? — удивился герцогъ. Давай я тебя буду учить. Давай займемся теоріей систематически.

— И все-таки ты мнѣ всѣхъ секретовъ не откроешь. Я знаю тебя. Ты всегда прибережешь что-нибудь неожиданное подъ конецъ, чтобы я проиграла. Твой ходъ!

Герцогъ начиналъ раздражаться.

«Сѣли играть въ шахматы и начинаемъ семейную сцену», нахмурился онъ. «Всегда такъ. Она мнѣ ни въ чемъ не хочетъ уступить. Какъ это пошло и утомительно».

— Шахъ королю! — вдругъ сказалъ онъ, и дальнѣйшій ходъ игры для него былъ ясенъ.

Еще нѣсколько ходовъ въ узкомъ пространствѣ между королемъ и краемъ доски, и Софія потеряетъ королеву.

Она впилась глазами въ доску и поняла, что проигрывала партію.

— Послушай, произнесла она примиренно: я, кажется, сдѣлала не тотъ ходъ. Это всегда такъ изъ за твоихъ споровъ.

— Не я спорю, а ты, — раздраженно замѣтилъ мужъ: я все время молчалъ. Хочешь переиграть? — спросилъ онъ, расчитывая на ея гордость.

— Да, согласилась она: я сдѣлаю другой ходъ. Я подумаю. Но, вѣдь, потомъ ты будешь меня за это упрекать. Я знаю тебя. Проиграешь и будешь увѣрять, что этотъ проигрышъ не въ счетъ.

— А я развѣ когда-нибудь тебѣ проигрывалъ? — усмѣхнулся герцогъ.

Она помолчала и посмотрѣла на него съ ненавистью. Затѣмъ пересилила себя и переставила на доскѣ фигуры на прежнія позиціи.

— Ну, вотъ, попробуемъ такъ. Все равно, я эту партію проиграла.

— Попробуемъ. — согласился герцогъ. Вѣдь, мы же учимся еще. Вѣдь, это не турниръ.

Буковыя полѣнья догорали въ каминѣ. Маленькими стали свѣчи въ серебряномъ канделябрѣ. Игроки уже давно прослушали бой часовъ. И эти оплывшіе, коптящіе огарки напомнили имъ, что поздно.

Софія подавила зѣвоту и сдѣлала незначительный ходъ. Она, видимо, уже не интересовалась партіей.

— Послушай, сказала она: ты сегодня напрасно отмѣнилъ вылазку. Намъ удалось бы послать гонца въ Хемницъ. Ты всегда вмѣшиваешься въ мои распоряженія.

— Это не относится къ игрѣ, — замѣтилъ мужъ. Ты воображаешь, что только ты одна никогда не ошибаешься.

— А ты — трусъ, баба, книжный червякъ! вдругъ возвысила она голосъ. — Вотъ дождешься того, что тебя повѣсятъ надъ воротами.

— Я надѣюсь, что ты, какъ добрая жена, всенепремѣнно намылишь тогда веревку, — отпарировалъ герцогъ, довольный своимъ отвѣтомъ.

Но она уже начинала выводить его изъ себя.

«Для чего эти рѣзкости? Я же ей не сказалъ ни одного дурного слова. Неужели же изъ за неудавшейся партіи, она способна желать мнѣ такъ много зла?».

И предъ его мысленнымъ взоромъ вдругъ пронеслись картины ихъ рѣдкихъ супружескихъ ссоръ. Рѣдкихъ, потому что онъ всегда избѣгалъ выводить жену изъ себя. Въ гнѣвѣ она дѣлалась старой и некрасивой, и тогда его тянуло къ другимъ женщинамъ.

Но нанесенное ему оскорбленіе уже не давало ему покоя. Сколько такихъ рѣзкихъ словъ подарила она ему. Потомъ приходила и просила прощенія. Проспа забыть. А онъ говорилъ, что забылъ и все-таки помнилъ всѣ оскорбленія до единаго. У него была проклятая память, хоть онъ и не былъ злопамятенъ.

Планъ аттаки, подготовленный имъ такъ умно и хладнокровно, вдругъ смѣшался въ его мозгу. Герцогъ злился, и партія уже его не интересовала.

— Мы, можетъ быть, оставимъ партію? — предложилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, отвѣтила Софія: мнѣ интересно, чѣмъ она кончится.

Карлъ автоматически подвинулъ ферзь на бѣлое поле.

Софія посмотрѣла на него, улыбнулась и тихо сказала:

— Ну вотъ ты и потерялъ королеву.

У герцога похолодѣло подъ сердцемъ.

«Вотъ я проигралъ», подумалъ онъ.

— Что-жъ бери ее. — отозвался онъ апатично: я тоже сдѣлалъ разсѣянный ходъ.

— Играй дальше и поменьше говори, — произнесла герцогиня наставительно: у тебя не прекрасная партія.

— Безъ королевы — партія почти проиграна, отвѣтилъ онъ и выдвинулъ ладью въ защиту короля.

— Шахъ королю! почти вскрикнула она, точно взобралась на высокую гору и ей оттуда стало все видно.

Герцогъ подвинулъ короля на сосѣднее поле. Обмѣнялись ладьями. Ея королева нападала все смѣлѣе и рѣшительнѣе.

— Шахъ кролю! — повторила она уже безъ торжества, спокойно и самоувѣренно.

Герцогъ подался съ королемъ въ уголъ. Ему оставался только одинъ ходъ.

— Шахъ королю! сказала она еще разъ, и ея слова прозвучали въ его ушахъ погребальнымъ звономъ.

Герцогъ посмотрѣлъ на доску, какъ будто на этихъ бѣлыхъ и черныхъ квадратахъ рѣшалась судьба его. Съ тоскою перебиралъ онъ въ умѣ всѣ возможные отвѣты и комбинаціи. Звалъ на помощь фигуры, стоявшія безъ пользы далеко отъ короля. Но по манію волшебства онѣ же не могли перескочить черезъ квадраты и заслонить беззащитнаго короля. Около него, какъ вѣрный оруженосецъ, билась до послѣдней капли крови уцѣлѣвшая ладья. Слонъ былъ въ бездѣйствіи, привязанный къ мѣсту черной пѣшкой.

«Проигралъ», повторилъ онъ. Но все старался оттянуть послѣдній шагъ къ гибели.

«Ну пускай она сегодня порадуется», рѣшилъ онъ: «завтра я буду хладнокровнѣе. И послѣ завтра тоже. Она пойметъ, что въ шахматахъ я сильнѣе ея».

— Матъ! — вдругъ крикнула Софія и, какъ безумная захлопала въ ладоши: Матъ!

Она вскочила съ кресла и запрыгала около доски, какъ дѣвочка. Лицо ея было оживлено и моложаво, но глаза свѣтились недобрымъ огнемъ волчицы.

Герцогъ посмотрѣлъ на доску. Партія была проиграна, и усталость овладѣла имъ. Онъ почувствовалъ себя обиженнымъ ребенкомъ.

Вѣроятно, видъ у него былъ жалкій, потому что она подбѣжала къ нему и, какъ кошка, прыгнула къ нему на колѣни.

— Проигралъ, мой дорогой, проигралъ! Что-же ты разстраиваешься? Сознайся, что я лучше тебя играю?

И она начала цѣловать его долгими, липкими поцѣлуями. Ему стало вдругъ не по себѣ.

— Иди спать, сказалъ онъ, слегка отстраняясь.

— А ты развѣ не хочешь? — задала она вопросъ, щуря свои сѣро-зеленые глаза и потягиваясь мускулистымъ тѣломъ.

— Пойдемъ! позвала она его. Я тебя вознагражу за твой проигрышъ.

Она была ему противна. Герцогъ сдѣлалъ движеніе ,чтобы подняться съ кресла. Она соскочила съ его колѣнъ.

Большими глотками пилъ онъ воду изъ хрустальнаго кувшина, но она только отягощала ему желудокъ, не успокаивая его.

— Иди, повторила она, и легкой, увѣренной походкой направилась въ опочевальню.

Но онъ не пошелъ за ней, а, засвѣтивъ бережно лампаду — вѣрную подругу его одинокихъ, безсонныхъ ночей — развернулъ тяжелый томъ рѣчей Цицерона.

Еще нѣсколько мгновеній были слышны ея удалявшіеся шаги, еще струился въ воздухѣ ароматъ ея волосъ и разгоряченнаго поединкомъ тѣла. Затѣмъ все стихло, и только фитиль потрескивалъ подъ огненнымъ языкомъ.

Герцогу не читалось. Машинально переворачивалъ онъ пожелтѣвшія страницы книги, отыскивая мѣсто, которое могло бы его захватить. Затѣмъ отложилъ книгу и задумался.

«Пойти или не пойти?», задалъ онъ себѣ вопросъ. «Нельзя же ссориться съ женой изъ за проигранной партіи. Какъ это глупо!».

«Но какъ она торжествовала, когда сдѣлала мнѣ матъ! Пустое женское тщеславіе! Ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не хочетъ она мнѣ уступить».

И онъ остался сидѣть неподвижно въ креслѣ, прислушиваясь, какъ въ глухой тишинѣ ночи перекликались часовые на валахъ.

Георгій Немировичъ-Данченко.

ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВѢСА

«ПИСАТЕЛЬНИЦЫ»

Двѣ молодыя русскія особы, нѣкая Н. и нѣкая Г. выпустили въ свѣтъ на французскомъ языкѣ по роману.

Въ парижскихъ кругахъ свила себѣ прочное гнѣздо легенда, что авторство обѣихъ «романистокъ» не при чемъ здѣсь. Они только пожинаютъ лавры, а вся творческая работа исполнена опытными въ беллетристической техникѣ «неграми».

Голоднымъ неграмъ скудная подачка. Романисткамъ и гонорарь и слава.

Говорятъ, этотъ легкій успѣхъ вскружилъ головку нѣкой разбитной и веселой барынькѣ — въ своемъ далекомъ петербургскомъ прошломъ — выходной актрисѣ фарса.

Но, — это было давно... Теперь она жена богатаго промышленника - иностранца. Онъ убѣжденъ, его убѣдили, что, во первыхъ, та, которой онъ далъ свое имя изъ «страшно» аристократической русской семьи, а во-вторыхъ, что она была чѣмъ-то среднимъ между Саррой Бернаръ, Дузэ и Режанъ.

Теперь эта особа тоже «пишетъ» и уже напечатала свой романъ. Крестины этого «батарда» были пышныя. Съ коктейлями и рецензентами.

А почему бы и нѣтъ?..

Развѣ она хуже обѣихъ новоявленныхъ романистокъ.

Наоборотъ — лучше...

Она богаче ихъ. А разъ такъ, ея романъ долженъ имѣть успѣхъ.

Она смѣло схватитъ за хвостъ капризную птицу, называемую славой.

Пусть даже это будетъ мимолетный успѣхъ...

Вѣчнаго, вѣдь, нѣтъ ничего на землѣ...

«КОРОЛЕВА» ВЕСЕЛИТСЯ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣдствовавшая эмигрантка, весьма провинціальнаго типа, не первой молодости и далеко не красавица, сдѣлала умопомрачительную карьеру. На ней женился одинъ изъ королей мірозой промышленности. Какое счастье для бѣженки, ютившейся въ грязномъ заплеванномъ третьестепенномъ отельчикѣ...

Какая неограниченная возможность творить добро, помогать дѣлу возстановленія и освобожденія Родины... И при этомъ — отчего же — яркая свѣтская жизнь, полная впечатлѣній.

Увы «королева» не заинтересовалась ни горемычной судьбой эмигрантовъ, ни судьбой распятой на крестѣ Россіи, ни свѣтской жизнью, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Она заинтересовалась «ночными кабаками». Эти дорогія заведенія казались ей воплощеніемъ шикарнаго и хорошаго тона. А сухіе, спортивнаго типа метръ д'отели казались образцомъ бонтонности и дендизма. Они казались ей принцами крови.

Съ однимъ изъ этихъ «принцевъ» она сошлась. «Принцъ» шантажировалъ «королеву» ея любовными письмами. Посредница выкупила эти порнографическія письма.

Одинъ «романъ» кончился, начался другой. Тоже съ принцемъ ночного «буата». Этотъ «принцъ» судился за похищеніе дамской сумочки и сидѣлъ въ тюрьмѣ. А, можетъ быть, и не за сумочку сидѣлъ, а за что другое.

Важно не это, а важно, что «королева», въ салонѣ которой бывали настоящія королевы, въ увлеченіяхъ своихъ выше метръ д'отелей такъ и не поднималась.

Очередной романъ — уже съ патентованнымъ жиголо. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ прелe-

стная дама совсѣмъ откровенно волочила по грязи почтенное имя супруга, — диктатора на рынкѣ міровой промышленности и жалкую маріонетку у себя дома... Трагическое сопоставленіе...

А въ Парижѣ — скандалъ за скандаломъ. Монтмартрская хроника обогащалась каждую ночь...

«Королева» бравировала своимъ безстыдствомъ, своимъ годившимся ей въ сыновья жиголо.

Терпѣніе покорнаго всепрощающаго мужа-рогоносца лопнуло наконецъ... Онъ пригрозилъ разводомъ, но на это его не хватило и онъ ограничился ссылкой невѣрной жены въ глухую деревню.

Пока на Монтмартрскихъ «высотахъ» спокойно...

Пока... Надолго-ли?..

•

РАДИКАЛЬНЫЙ СПОСОБЪ ПОХУДѢТЬ

На послѣобѣденномъ чаѣ въ одномъ изъ свѣтскихъ салоновъ молодая, полнѣющая графиня Х. повѣдала своимъ слушательницамъ слѣдующую исторію:

Желая предотвратить, съ каждымъ днемъ прогрессирующую, полноту, графиня обратилась за совѣтомъ къ врачу и спеціалисту по худѣнію.

Врачъ внимательно выслушалъ жалобы графини, осмотрѣлъ ее, а, затѣмъ, доставъ изъ ящика письменнаго стола небольшую, бѣлую пилюльку, произнесъ:

«Примите это на ночь. Черезъ два мѣсяца я жду вашего визита. Вы будете довольны. Вы похудѣете и всю жизнь останетесь худой».

Удивленная графиня спросила:

«Это все»?

«Это все», — категорически отвѣтилъ спеціалистъ.

«Сколько я вамъ должна докторъ»?

«Двѣ тысячи франковъ».

Въ этотъ вечеръ у нея былъ званный обѣдъ. Пилюльку она положила на каминъ и забыла принять. На слѣдующее утро она вспомнила о ней, подошла къ камину, но пилюльки не было. Тогда, взглядъ ея устремился на полъ, покрытый ковромъ.

Почти у самыхъ тлѣющихъ полѣньевъ она замѣтила бѣлый шарикъ и уже было протянула руку, чтобы ее взять, но въ тотъ же моментъ съ крикомъ отскочила назадъ — два маленькихъ, живыхъ глаза выглядывали изъ внутренности пилюли.

Явившаяся на крикъ прислуга подобрала загадочный шарикъ. Немедленно былъ вызванъ врачъ — другъ семейства, который съ ужасомъ на лицѣ установилъ, что въ пилюлѣ находилась голова юнаго солитера.

У графини не хватило смѣлости привлечь къ отвѣтственности услужливаго спеціалиста, но, зато, навсегда отказалась отъ желанія худѣть.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА

Лицо, до сего времени никому неизвѣстное, получитъ (правда, съ небольшимъ опозданіемъ), вполнѣ заслуженное вознагражденіе, котораго онъ ждетъ съ пишкомъ 60 лѣтъ.

Въ іюнѣ 1871 года, коммунаръ Потіе написалъ слова Интернаціонала. Тотчасъ же слова эти были переложены на музыку молодымъ рабочимъ Петромъ Дегейтеромъ.

Недавно, совѣтское правительство постановило отпраздновать день появленія «Интернаціонала» и чествовать предка русскаго коммунизма.

Такимъ образомъ, вульгарный, уличный пѣвецъ, возведенный въ санъ геніальнаго предтечи, отправился въ Москву, гдѣ его талантъ будетъ достойно вознагражденъ.

•

ИСКУСНЫЕ КОМЕРСАНТЫ

Владѣльцы обувныхъ магазиновъ заманиваютъ покупателей самыми остроумными способами рекламы.

То они предлагаютъ воздушные шары дѣтямъ, то безплатную починку обуви тому, кто купитъ пару ботинокъ, то коробку мази, и т. п.

Но одинъ изъ нихъ перещеголялъ всѣхъ товарищей по профессіи.

На дверяхъ своего магазина онъ повѣсилъ слѣдующую вывѣску: «Каждому, купившему пару ботинокъ, приподносимъ въ видѣ преміи бутылку стараго вина».

И въ витринѣ, поверхъ выставленныхъ туфель, красуются бутылки стараго французскаго вина.

Теперь очередь за винными магазинами!

Догадаются-ли они, для привлеченія клиентуры, выдавать за каждую бутылку купленнаго вина, пару ботинокъ въ видѣ преміи?..

Сквозь совѣтское хозяйство

Зловѣщіе пособники установленія рабства въ Россіи утверждаютъ, что по территоріи Союза Соціалистическихъ Республикъ промышленность развивается гигантскимъ темпомъ и слѣдовательно, благосостояніе широкихъ массъ населенія улучшается съ каждымъ днемъ. Въ доказательство этого положенія они ссылаются на постройку въ разныхъ краяхъ необъятной Россіи чудовищной мощности новыхъ заводовъ и организацію разновидныхъ промышленныхъ предпріятій, стоющихъ совѣтской власти, по ихъ же исчисленіямъ, больше двухъ милліардовъ золотыхъ рублей. Приводятъ также въ доказательство этого положенія, тотъ фактъ, что по свѣдѣніямъ большевистской статистики, на территоріи Совѣтскаго Союза, безработицы нѣтъ, тогда какъ въ странахъ капиталистическаго порядка милліоны людей не находятъ себѣ никакихъ занятій. Этими утвержденіями стараются создать впечатлѣніе, что соціалистическій строй большевиковъ матеріально обезпечиваетъ всѣхъ и каждаго, а режимъ частной собственности, личной инціативы и свободы труда, обрекаетъ многомилліонную массу трудового населенія на неизбѣжную нищету и на вѣчныя страданія. Поэтому короткій анализъ сущности совѣтскаго хозяйства и изложеніе причинъ кажущаго отсутствія безработицы на территоріи Совѣтскаго Союза представляетъ нѣкоторый общественный интересъ.

Оставаясь вѣрнымъ принципамъ соціализма, власть диктатуры пролетаріата, послѣ недолгихъ колебаній — то въ сторону военнаго коммунизма, то въ сторону Нэпа, фактически упразднила въ Россіи частную собственность и объявила государственной собственностью всѣ средства и способы производства страны. «Генеральная линія партіи», — это злокачественное дѣтище дѣйствующаго соціализма, есть ни что иное, какъ совокупность мѣропріятій, предусмотрѣнныхъ В.К.П. для насильственнаго уничтоженія всѣхъ формъ хозяйства не вмѣщающихся, выражаясь по совѣтски, въ «соціалистическій секторъ» большевистскаго строительства. Въ центрѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій отнынѣ стоитъ пятилѣтній планъ, который сталъ высшимъ хозяйственнымъ закономъ и обязательной директивой для всѣхъ высшихъ и низшихъ государственныхъ органовъ Россіи. Упразднивъ частную собственность, свободу личной инціативы и свободу выбора труда, соціалистическая власть Совѣтовъ естественно стала передъ необходимостью, самой занять мѣсто единоличнаго предпринимателя промышленника и самой возглавлять народное хозяйство страны. Сдѣлавшись единственнымъ предпринимателемъ на пространствѣ 1 6 земного шара и, имѣя въ своемъ полномъ и безконтрольномъ распоряженіи ежедневный трудъ 150 милліоновъ населенія, не трудно было большевикамъ создать на бумагѣ обширный планъ индустріализаціи и построить въ дѣйствительности нѣсколько гидравлическихъ станцій и десятокъ мощныхъ механическихъ заводовъ

Въ чемъ же заключается важность индустріальныхъ достиженій Совѣтскаго Союза? Не въ томъ ли, что организованъ Днѣпрострой, что въ Сталинградѣ построенъ одинъ тракторный заводъ, въ Ростовѣ на Дону функціонируетъ заводъ сельско-хозяйственныхъ машинъ; или же въ томъ, что строится Нижегородскій автозаводъ, Тверская прядильня, Магнитогорскъ, Кемченскій заводъ и нѣкоторое количество химкобинатовъ. Открытіе уже существующихъ и проэктируемыхъ заводовъ какъ то ставятъ въ особую заслугу большевикамъ. Но въ этомъ фактѣ ничего особеннаго нѣтъ. Въ странахъ капиталистическаго порядка, уже десятки лѣтъ до большевизма работали полнымъ ходомъ заводы и фабрики, копію которыхъ совѣтская соціалистическая власть насаждаетъ въ Россіи, стараясь изобразить заимствованные у капитализма техническія усовершенствованія, достиженіемъ соціализма

Чтобы разобраться въ сущности экономическихъ достиженій россійскаго соціализма и хозяйственнаго положенія Россіи, нужно имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство: человѣческая жизнь, а тѣмъ паче продуктъ человѣческаго труда и природныя богатства находящіяся въ нѣдрахъ или на поверхности земли, все это, въ нынѣшней Россіи, принадлежитъ государству. Въ свою же очередь государство принадлежитъ тому маленькому количеству ловкачей, которые сейчасъ стоятъ у власти въ Москвѣ и главарями которыхъ являются члены президіума Политбюро. Совѣтскій Союзъ представляетъ изъ себя своеобразную форму анонимнаго общества, акціонерами котораго являются члены соціалъ демократической партіи большевиковъ, а правленіе состоитъ изъ членовъ комитета Р.К.П. Остальная же масса населенія Совѣтскаго Союза, въ количествѣ девяносто девяти процентовъ всѣхъ обитателей страны, представляетъ изъ себя чернорабочую силу, принадлежащую новымъ господамъ на началахъ собственности, по новой формѣ крѣпостническаго порядка.

Какъ для личнаго престижа и собственныхъ матеріальныхъ выгодъ, такъ и для содержанія своего служилаго класса и рабочихъ, совѣтской власти нужно было заняться интенсивной организаціей народнаго хозяйства. Наличіе неимовѣрнаго количества рабочихъ рукъ и неисчерпаемыхъ богатствъ страны, которыми они распоряжаются безвозмездно, облегчаетъ большевикамъ выполненіе роли предпринимателя-промышленника. Но помимо труда и

природы, организація промышленности нуждается въ капиталѣ и у большевиковъ недостаетъ этотъ третій элементъ. Въ 1917 году основной капиталъ промышленныхъ предпріятій въ Россіи равнялся 4 милліардамъ золотыхъ рублей. По декрету націонализаціи большевики безвозмездно присвоили этотъ капиталъ. Свѣжій же капиталъ, необходимый для оборотныхъ средствъ, большевики рѣшили выкачать изъ русской деревни и, располагая трудомъ всего населенія, какъ собственностью государства, стали реквизировать у крестьянъ годные для экспорта сельско-хозяйственные продукты. Сопротивленіе земледѣльческаго класса мѣрамъ реквизиціи повлекло за собой разстрѣлъ болѣе одного милліона крестьянъ. Введеніе коллективизаціи въ сельское хозяйство, объясняется также желаніемъ большевиковъ добыть безпрепятственно на вывозъ, интенсификаціей земледѣльческаго труда, большее количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а, слѣдовательно, необходимый для организаціи промышленности капиталъ.

Правда ли, что въ результатѣ планомѣрнаго развитія промышленности большевикамъ удалось избѣгнуть безработицы и поднять матеріальное благосостояніе страны?

По оффиціальнымъ даннымъ большевиковъ, число зарегистрированныхъ безработныхъ на 1927/28 году равнялось приблизительно 2 милліонамъ человѣкъ. Но сейчасъ большевики утверждаютъ, что безработицы нѣтъ. Отсутствіе безработицы въ городахъ Совѣтскаго Союза можно объяснить слѣдующими основными факторами: во-первыхъ — главную массу безработныхъ въ Россіи всегда составляло пришлое изъ деревни на кратковременныя работы крестьянское земледѣльческое населеніе. Съ введеніемъ коллективизаціи все деревенское населеніе хлынуло обратно въ деревню на защиту своего крова и добра. Борьба противъ колхозовъ и совхозовъ и стремленіе отвоевать обратно коллективизированное личное добро удерживаетъ русскаго крестьянина въ деревнѣ, чѣмъ въ значительной мѣрѣ уменьшается нормальное количество безработныхъ въ городахъ. Обратная утечка сельскаго населенія въ деревню въ тотъ моментъ, когда большевики предприняли постройку «гигантскихъ» заводовъ повлекло за собой недостатокъ рабочихъ рукъ и всѣмъ памятны драконическія мѣры, принятыя большевиками и комсомольскими организаціями для мобилизаціи деревенскихъ жителей на промышленныя работы. Дѣло дошло до того, что декретами отъ 7 сентября и 11 октября 1930 года, рабочіе прикрѣплены къ предпріятіямъ и даже переходъ изъ одного предпріятія въ другое карается штрафами, лишеніемъ права на работу (найки) срокомъ на шесть мѣсяцевъ и разнаго рода притѣсненіями. Не смотря на формальное введеніе крѣпостного права, т.-е. прикрѣпленія рабочихъ къ предпріятіямъ, большевикамъ не удалось обезпечить своей промышленности ни нужнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, ни постоянствомъ состава своего рабочаго персонала. По большевистскимъ же свѣдѣніямъ изъ всѣхъ завербованныхъ и приведенныхъ изъ деревень новыхъ рабочихъ, болѣе 70% уѣзжаютъ обратно въ первые же 2 мѣсяца ихъ доставки на работу.

Во вторыхъ, введеніе монополіи внѣшней торговли исключило на совѣтской территоріи всякую конкурренцію всѣхъ иностранныхъ фирмъ. Слабо развитая русская промышленность принуждена работать интенсивно, чтобы хоть частично удовлетворить внутреннія потребности страны. Нужно учесть то обстоятельство, что промышленный пролетаріатъ въ Россіи всегда составлялъ и составляетъ до сихъ поръ очень незначительную часть населенія. Въ 1913 году, на пространствѣ Россіи насчитывалось около 140 милліоновъ жителей, а изъ нихъ промышленнаго пролетаріата было 3,5 милліоновъ человѣкъ. Въ 1930 году по статистикѣ большевиковъ, Совѣтскій Союзъ насчитываетъ 158,2 милліона жителей и изъ нихъ промышленнаго пролетаріата было всего 3 милліона 990 тысячъ человѣкъ. При монополіи внѣшней торговли и при огромномъ внутреннемъ рынкѣ, такое маленькое количество промышленнаго пролетаріата нормально не можетъ очутиться въ положеніи безработнаго.

Такимъ образомъ не по большевистскимъ заслугамъ, а въ результатѣ бѣгства рабочихъ отъ фабрикъ и заводовъ, на совѣтской территоріи оффиціально зарегистрированныхъ случаевъ безработицы нѣтъ. Но фактически тамъ хуже чѣмъ безработица. Въ совѣтскомъ хозяйствѣ, гдѣ коллективизація признана единственной формой, соотвѣтствующей требованіямъ коммунистическаго строя, личная инициатива и свобода выбора занятій, изъяты изъ порядка общественнаго строя. Номинально, все хозяйство принадлежитъ народу; на самомъ же дѣлѣ, его фактическими собственниками являются главари соціалъ демократической партіи большевиковъ.

Такой способъ организаціи хозяйства создалъ настолько невыносимыя условія жизни и труда, что городское населеніе избѣгаетъ промышленныхъ работъ, и ищетъ убѣжища въ деревняхъ, внѣ колхозовъ.

Противорѣчіе интересовъ между народной массой и народнымъ хозяйствомъ становится очевиднымъ, если, помимо всего сказаннаго, принять во вниманіе и то, что ожесточеніе народа противъ ненормальныхъ устоевъ совѣтской жизни, прогрессируетъ съ каждымъ днемъ.

И, когда ожесточеніе это достигнетъ предѣльной точки, порабощенный народъ, въ жаждѣ истинной свободы, стряхнетъ со своихъ плечъ ту невыносимую и противную натурѣ культурнаго человѣчества — форму общежитія, которую создалъ соціалистическій коммунизмъ.

К. К.

Выѣздъ Императорской Четы

(Фот. 1906 года)

Кавказскій танцоръ

разсказъ

Кн. Маргани

Всѣ знаютъ, что Муратъ-Бей красивъ. Его талія борзой собаки, длинные точеные пальцы и грустные съ косымъ разрѣзомъ каштановые глаза, плѣняютъ женщинъ.

А ихъ много въ этомъ душномъ кабарэ, носящемъ скромное имя «Уголокъ», гдѣ Муратъ-Бей каждую ночь отплясываетъ свой знаменитый танецъ на кинжалахъ.. Женщины всѣхъ національностей, всѣхъ возрастовъ, красивыя и уродливыя, всѣ вздыхаютъ по немъ. Нужно сознаться, что изъ пяти танцоровъ-кавказцевъ Муратъ-Бей самый замѣчательный. На немъ и черкеска сидитъ особенно, и поясъ стянутъ туже. Когда онъ становится на носки и обѣгаетъ залъ, даже его ревнивые товарищи восхищаются имъ. Каждое движеніе его гибкаго тѣла, размахъ длинной, породистой руки, чарующе и увлекаютъ зрителей.

Вдобавокъ Муратъ-Бей еще и обаятеленъ. Пріятный тембръ его голоса музыкой вкрадывается въ душу. Когда онъ говоритъ, хочется закрыть глаза и слушать безъ конца.

И улыбка у него иная, чѣмъ у всѣхъ, она подкупаетъ и притягиваетъ. Въ ней есть что-то и дѣтское, и печальное, и гордое.

Муратъ-Бей прищуривается, когда разглядываетъ женщинъ — какъ охотникъ, прицѣливающійся въ дичь; онъ не близорукъ, но это привычка, пріобрѣтенная имъ въ кабарэ. А женщины и въ этомъ находятъ особенную привлекательность.

Если Муратъ-Бей намѣтилъ жертву, то врядъ-ли она у него выскользнетъ. Да и кто можетъ устоять передъ нимъ! Онъ — мода, онъ на языкѣ свѣтскаго Парижа, его нарасхватъ приглашаютъ въ лучшіе салоны; за нимъ присылаютъ машины; носятъ въ сумочкахъ его фотографіи съ автографомъ, а шикарныя кокотки украшаютъ свои автомобили дорогими куклами съ физіономіей красавца-танцора.

Кажется, столько данныхъ, что бы быть довольнымъ, даже счастливымъ.

Но всѣ знаютъ, что у Мурать-Бея есть горе — большое, мучительное. Знаютъ и молчатъ, изъ деликатности, изъ состраданія...

Вотъ и сегодня, облокотившись на піанино, онъ задумчиво глядитъ въ даль своими загадочными, восточными глазами.

Передъ нимъ проносятся возбужденные и крикливые лакеи. Звонъ разбитой посуды сливается съ шумной рапсодіей румынскаго оркестра. Толстый, высокій метръ-д'отель, бывшій морской лейтенантъ, въ блестящихъ позументахъ на мундирѣ собственнаго изобрѣтенія, всякій разъ цѣпляется карманомъ о кинжалъ Мурать-Бея. Но послѣдній занятъ своими мыслями и, кажется, не замѣчаетъ всего, происходящаго вокругъ. А между тѣмъ, залъ набитъ биткомъ и самыми разнообразными посѣтителями.

Вотъ за лучшимъ столомъ размѣстилась веселая компанія изъ двухъ дамъ и трехъ мужчинъ, во главѣ съ господиномъ Х. Это бывшій морской врачъ. Жена его сохранила имѣніе въ Польшѣ и онъ теперь катается, какъ сыръ въ маслѣ на доходы съ него. Рядомъ, его жена, небольшая, курносая купчиха, нѣжно переглядывается съ сидящимъ vis à vis краснвымъ мальчикомъ блондиномъ, котораго полгода назадъ она нашла въ одномъ изъ русскихъ кабаковъ и съ которымъ уже больше не разстается. Говорятъ, что она его широко субсидируетъ. Впрочемъ, господина Х. это обстоятельство ничуть не безпокоитъ. Въ его распоряженіи находится крупная часть денегъ жены, а что касается морали, понятіе о ней давно стерлось въ его памяти. Но чтобы не казаться въ глупомъ положеніи, онъ занимаетъ свояченицу и даже немного за ней ухаживаетъ.

Слѣдующій столъ занятъ мистеромъ Холлъ. Русскій еврей, переселившійся въ Америку, тому двадцать лѣтъ, и тамъ нажившій колоссальныя богатства, эксплоатируя русское искусство и русскихъ артистовъ, онъ перемѣнилъ теперь Нью-Іоркъ на болѣе веселый Парижъ и всѣ вечера проводитъ въ русскихъ ресторанахъ, въ обществѣ обаятельной красавицы, бывшей, поочереди, и княгиней, и кино-артисткой, и содержанкой и просто кокоткой. Мистеръ Холлъ старъ, но держится молодцевато и обожаетъ танцевать мазурку. Любитъ онъ также цыганскіе романсы и щедро одаряетъ музыкантовъ, но такъ, чтобы всѣ видѣли, сколько онъ кладетъ въ протянутую смуглую руку румына.

Дальше — незавидная пара бывшаго танцора и старой англичанки. У него томный и страдальческій видъ, она же зловѣще ревнива и носитъ парикъ.

За тремя столами, въ углу, размѣстилась многочисленная и шумная компанія. Это нефтяные дѣльцы. Умный и вѣжливый кавказецъ съ сѣдиной и шустрыми глазами о чемъ-то убѣдительно разсказываетъ. Онъ уже успѣлъ получить за-границей за свои фонтаны ихъ двойную стоимость и растратить. Противъ него, опираясь локтями на столъ, длинноносый армянинъ разглядываетъ сосѣдей безсмысленнымъ, блуждающимъ взоромъ. Этотъ, тоже имѣлъ много денегъ и остался безъ гроша. Съ ними голландцы, американцы и англичане — всѣ имѣющіе отношеніе къ нефти. Они пришли насладиться музыкой и весельемъ этой загадочной славянской націи, у которой деньги изъ кармановъ такъ же легко и быстро вылетаютъ, какъ и нефть изъ подъ земли. Маленькимъ доказательствомъ того уже служитъ — добрыхъ два десятка бутылокъ шампанскаго лучшей марки, рядами расположенныхъ на столахъ.

Нѣсколько столиковъ занято туристами. Это случайные гости. Они приходятъ сюда точно также, какъ идутъ въ Лувръ или Тюльери. Ихъ сопровождаетъ гидъ и читаетъ имъ невѣроятную лекцію о русской душѣ и искусствѣ

Затѣмъ идетъ женскій рядъ. Сидятъ по двѣ, безъ мужчинъ: старая графиня въ морщинахъ, уже два раза подвергавшаяся операціи омоложенія по способу Воронова, двѣ молоденькія француженки, ищущія приключеній. Смуглый, мускулистый лакей не отходитъ отъ нихъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ подливаетъ имъ вина полные бокалы. Тутъ же перекрашенная, въ брилліантахъ, съ головы до ногъ, элегантная кокотка, многообѣщающе переглядывается съ однимъ изъ кавказскихъ танцоровъ. Сѣдобородый старикъ, ея компаньонъ, нервничаетъ и требуетъ счета. Но лакеи не слышатъ. Въ такихъ случаяхъ они превращаются въ глухихъ.

Двѣ молоденькія дамы занимаютъ два столика рядомъ. Онѣ кажутся скромными. Но первое впечатлѣніе всегда обманываетъ. Въ ночное кабарэ дама одна всегда приходитъ съ какой нибудь опредѣленной цѣлью. Еще три

столика возлѣ самаго оркестра заняты парами. Высокая худенькая блондинка, съ классическимъ лицомъ привлекаетъ всеобщее вниманіе. По виду она американка, но, можетъ быть, и скандинавкой. Мужчина, сидящій съ ней, малъ и невзраченъ.

Если-бы Муратъ-Бей потрудился повернуть голову немного вправо отъ себя, онъ поймалъ-бы одинъ изъ тѣхъ многозначительныхъ взглядовъ, которыми красивая блондинка забросала его. Но кавказецъ не мѣняетъ позы и, видимо, мысли его далеко за стѣнами увеселительнаго кабарэ.

Оркестръ заигралъ «Эй, ухнемъ». И сразу лица гостей пріобрѣли неестественно-печальную гримасу. Тишина охватила залу и даже лакеи остановились, какъ вкопанные на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застала тягучая мелодія.

Уродливый скрипачъ, черный какъ негръ, приближается къ столамъ и, откинувъ назадъ грубую лохматую голову, издаетъ на своемъ инструментѣ жалобные и дрожащіе звуки. И, какъ ловкій артистъ, какъ знатокъ кабацкой психологіи, онъ полузакрываетъ глаза, словно самъ переживаетъ глубокую печаль, таящуюся въ этой пѣснѣ волжскихъ бурлаковъ.

И безмолвно тянутся къ его карману сжатые кулаки съ деньгами. Безмолвно и незамѣтно, чтобы не обидѣть его артистическаго достоинства!

Хитрый румынъ, не умѣющій разбираться въ нотахъ, знаетъ слабости своихъ слушателей. Онъ умѣетъ на нихъ дѣйствовать. Онъ даже знаетъ напередъ, сколько получитъ отъ компаніи нефтяниковъ; какую бумажку сунетъ господинъ Х. ему въ карманъ жилета. Мистеръ Холлъ, когда въ настроеніи, отваливаетъ сразу пятисотенную. Что же касается американцевъ, сидящихъ за круглымъ столомъ въ центрѣ, то они скупы на чаевыя, хотя и являются довольно частыми гостями «Уголка», гдѣ всѣмъ и за все надо платить. Ихъ пятеро, и всѣ скроены на одинъ ладъ. Метръ-д'отелю, которому каждый изъ нихъ въ первый же вечеръ передалъ свою визитную карточку, трудно запомнить двойныя, а то и тройныя фамиліи этихъ жителей Новаго Свѣта. Всякій разъ при ихъ появленіи бывшій морякъ шаритъ по карманамъ, находитъ карточки и, поглядывая на нихъ, привѣтствуетъ гостей, съѣдая добрую половину трудно-выговариваемыхъ именъ. Впрочемъ, объ американцахъ извѣстно, что они большіе снобы. Изъ за снобизма же они посѣщаютъ русскіе рестораны; ѣдятъ икру, отъ которой ихъ тошнитъ; смиренно выслушиваютъ и даже заучиваютъ «Волгу», «Наурскую Лезгинку», не понимая ни ихъ смысла, ни музыкальной красоты; заводятъ знакомства съ настоящими русскими «принцами» и «принцессами», пьютъ чай въ ихъ обществѣ и платятъ бѣшеныя деньги за то, чтобы на слѣдующій день объ этомъ чаепитіи было извѣщено въ «Нью-Іоркъ Геральдъ» и чтобы фамилія «принца» была обязательно рядомъ съ именемъ мистера такого-то. Каждый изъ нихъ думаетъ, что достаточно ѣсть икру, заучить мотивъ «Волги» и прочесть «Воскресеніе» Толстого, переиначивъ на свой, болѣе американскій, ладъ конецъ романа, чтобы стать окончательно свѣтскимъ и интереснымъ человѣкомъ.

Румынъ-скрипачъ прекрасно освѣдомленъ объ этихъ качествахъ длинноногихъ янки и потому онъ не особенно ихъ балуетъ своими взглядами. Уходя, они ему бросаютъ на клавиши піанино три смятыя бумажки по 10 франковъ, но зато награждаютъ его широкой улыбкой и лестными словами: Weery Good!

Когда съ шумящими вентиляторами угасла послѣдняя нотка волжской пѣсни, кабарэ снова бурно ожило. Появилось нѣсколько новыхъ гостей; забѣгали лакеи съ приставными столами. Оркестръ заигралъ фоксъ-троттъ, и нѣсколько паръ закружилось въ негритянскомъ танцѣ.

Муратъ-Бей чувствуетъ легкое прикосновеніе чьей-то руки къ своему плечу. Обрываются мысли и, возвратясь къ дѣйствительности, онъ удивленно глядитъ на маленькаго и худенькаго человѣка въ смокингѣ, съ ненормально вышедшими изъ орбитъ красными глазами.

— Я имѣю миссію пригласить васъ за нашъ столъ.

Муратъ-Бей старается улыбнуться. Обхватываетъ длинными пальцами хилую, женскую руку собесѣдника, уже давно ищущую рукопожатія, и говоритъ:

— О, благодарю васъ. Но, право, я боюсь быть лишнимъ... Вы такъ любезны...

Маленькій господинъ не даетъ ему договорить. Онъ фамильярно обнимаетъ спину Муратъ-Бея и деликатно подталкиваетъ его впередъ.

— Вы доставите только удовольствіе своимъ присутствіемъ и въ особенности дамѣ, которая вами интересуется.

Мурать-Бей понимаетъ значеніе этихъ послѣднихъ словъ только очутившись у стола. Блондинка съ классическимъ лицомъ рѣдкой красоты, поразившей даже танцора, сіяетъ отъ счастья.

— How do you do?.. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами. Такъ много разсказывала о васъ миссисъ Бавелъ.

Мурать-Бей присаживается. «Что могла разсказывать миссисъ Бавелъ?» — думаетъ онъ. Эта старуха, беззубая и наглая, хвасталась несуществующими связями со всѣми, кто могъ ей когда либо понравиться. Мурать-Бей получалъ отъ нея сладкія письма, предложенія матерьяльной помощи, конечно, взамѣнъ на что-то другое съ его стороны. Она ему была противна, и однажды онъ рѣзко порвалъ съ ней всякое знакомство. Впрочемъ, у нея могло хватить дерзости разсказать своимъ друзьямъ о близости съ кавказцемъ.

— Миссисъ Бавелъ, — говоритъ онъ. — Но я же ее такъ мало знаю...

Это — сумасшедшая женщина, я понимаю васъ. Но это не мѣшаетъ тому, что она восхищена вами и всюду говоритъ о васъ... и такъ лестно... Вашъ стаканъ, князь!

Кавказецъ разглядываетъ ее и, какъ ни странно, не прищуриваясь, а, наоборотъ, вполнѣ нормально, спокойно, дѣловито. Нѣтъ словъ, она красива. Ровныя съ изящными изгибами линіи лица кажутся вырѣзанными на розовомъ мраморѣ, синія атласные глаза обсыпаны золотымъ пепломъ рѣсницъ. Такимъ же золотомъ сверкаютъ и волнистые локоны на головѣ. Въ задорномъ смѣхѣ скрывается истерическая несдержанность дѣвушки, слишкомъ рано ставшей женщиной. На кистяхъ холеныхъ рукъ ослѣпительно горятъ брилліантовые браслеты. Упругое тѣло стянуто въ стильное шелковое платье съ глубокимъ разрѣзомъ на спинѣ. Стройныя ноги просвѣчиваютъ ровной бѣлизной черезъ гончайшіе чулки, а ступня еле держится въ модныхъ вечернихъ туфляхъ, больше чѣмъ наполовину открытыхъ.

— Вы не въ настроеніи. Почему у васъ печальный видъ? — спрашиваетъ блондинка.

Мурать-Бей качаетъ головой и разомъ опорожняетъ бокалъ шампанскаго.

Все-таки разговорились. Красавица оказалась американской. Она страшно любитъ Парижъ, а ко всему русскому питаетъ особую симпатію.

— Любите-ли вы фоксъ-троттъ? — спрашиваетъ она еще разъ, наклоняясь къ танцору. Ея горячее дыханіе обдаетъ Мурать-Бея. Онъ смотритъ на ея губы, маленькія губы, жаждущія поцѣлуя; видитъ снѣжный рядъ чудесныхъ зубовъ, раздувающіяся ноздри и неувѣренный взглядъ, задернутыхъ легкимъ туманомъ опьянѣвшихъ глазъ...

Развѣ трудно Мурать-Бею — знатоку расшифровать женское сердце. Уже когда его пригласили къ столу, онъ догадывался, что онъ нравится, а послѣ перваго взгляда окончательно убѣдился въ томъ, чего отъ него хочетъ красивая посѣтительница. Но сегодня кавказца ничего не трогаетъ. И эта красота, что еще нѣсколько дней назадъ могла его захватить, теперь не вызоветъ въ немъ никакихъ ощущеній. Танцуя фоксъ-троттъ, онъ чувствуетъ ея тѣло, придвигающееся все ближе и ближе; рука партнерши обвивается вокругъ его таліи; золотая головка пристраивается у самой его щеки; но Мурать-Бей тяготился этой близостью и вмѣсто того, чтобы увлечься самому пыломъ молодого тѣла, въ каждомъ прикосновеніи котораго горитъ огонь желаній, онъ отстраняется отъ него холодно, обиженно.

Иныя мысли терзаютъ сегодня сердце Му-

ратъ-Бея, и чѣмъ больше онъ пьетъ, тѣмъ мрачнѣе глядятъ его глаза. А пьетъ кавказецъ теперь уже одинъ. Молодая женщина откинулась на спинку дивана и молча, недовольно озирается вокругъ. Маленькій мужчина въ смокингѣ развлекается киданіемъ шариковъ со старой графиней, у которой цвѣтъ лица изъ розоваго перешелъ въ лиловый.

Время бѣжитъ впередъ; мелодія смѣняется мелодіей; уходятъ гости, ихъ замѣняютъ новые, а за столикомъ у блондинки, за шестью бутылками царитъ молчаніе. Муратъ-Бей отлучается и, когда возвращается, американка въ свою очередь покидаетъ столъ.

Улучивъ время, маленькій господинъ приближается къ кавказцу и, хитро мигнувъ глазомъ, говоритъ:

— Ну, какъ, князь. — Ça va? Она недурна собой, не правда-ли?

Муратъ-Бей не мѣняетъ серьезнаго выраженія лица.

— Да, ваша спутница очень красива, вамъ можно позавидовать.

Французъ многозначительно улыбается.

— Я тутъ совершенно не причемъ. Мы хорошіе друзья и все. А вотъ вы ей страшно нравитесь, даже больше того, чѣмъ я предполагалъ... Вотъ что, князь, хотѣли бы вы ее проводить въ эту ночь? Она живетъ въ отель Крильонъ.

— То есть какъ проводить? — спрашиваетъ удивленный Муратъ-Бей. — Во первыхъ, мнѣ не по пути, а, во вторыхъ, мое присутствіе лишнее, когда у вашей дамы есть такой кавалеръ, какъ вы.

Французъ снова улыбается и уже пониженнымъ голосомъ поясняетъ:

— Ей хочется, чтобы вы ее проводили. Она мнѣ сказала... когда мы оставались одни... Вы понимаете меня?

Муратъ-Бей нахмуривается. Странная мысль, молніеносно мелькнувшая въ его мозгу, отразилась на его лицѣ, приподнявъ выше правую, изогнутую бровь. Холодный, немного даже суровый взглядъ пронизываетъ маленькаго господина, и кавказецъ, отчеканивая каждое слово, говоритъ:

— Monsieur, проще говоря, ваша знакомая хочетъ провести со мною эту ночь?

У француза глаза еще больше вылѣзли на лобъ. Циничность танцора превышаетъ его собственную, но онъ все-таки спѣшитъ съ отвѣтомъ:

— Развѣ такъ трудно понять — она васъ хочетъ. На вашемъ мѣстѣ другой мужчина считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ.

— Возможно, — произноситъ Муратъ-Бей и въ его голосѣ звучитъ иронія. — Но у меня иные взгляды на любовь и на жизнь. Передайте вашей знакомой, что я согласенъ, но требую за это удовольствіе 50.000 франковъ.

— Что? — вскрикиваетъ ошеломленный французъ. — Вы дворянинъ, бывшій офицеръ, вы требуете денегъ за то, чтобы... Быть этого не можетъ.

Муратъ-Бей молчитъ. Блѣдное лицо его становится загадочнымъ и неподвижнымъ. Пусть французъ ломаетъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ непонятнаго поведенія русскаго офицера! Истинной причины онъ все равно не узнаетъ и не пойметъ.

И раньше чѣмъ красивая блондинка вернулась къ столу, танцоръ откланивается и возвращается снова на свое старое мѣсто у піанино. Почти вслѣдъ за его уходомъ французъ требуетъ счетъ.

Проходя мимо кавказца, ни онъ, ни американка не удостаиваютъ его прощальнымъ взглядомъ. Вѣроятно, блондинка уже посвящена въ происшедшую бесѣду.

Но Муратъ-Бей и самъ не оглядывается. Сжавъ губы, онъ еще пристальнѣе устремляется вдаль и больше чѣмъ когда-либо чувствуетъ себя одинокимъ.

Прошло нѣсколько дней со дня появленія красивой блондинки. Въ ночномъ кабарѣ жизнь течетъ обычнымъ темпомъ. Все такъ же шныряютъ потные лакеи между столами, обслуживая новыхъ и старыхъ гостей. Безостановочно пилятъ румынскія скрипки, звонко вылѣтаютъ пробки изъ бутылокъ шампанскаго, а метръ д'отель въ блестящемъ мундирѣ самодовольно оглядываетъ залъ, стараясь угадать малѣйшее желаніе клієнтовъ по легкому движенію ихъ бровей. Муратъ-Бей становится мрачнѣе съ каждымъ днемъ и дѣлается совершенно неразговорчивымъ.

Въ субботу, явившись на службу ранѣе обыкновеннаго, онъ застаетъ у швейцара «Уголка» записку, оставленную неизвѣстнымъ лицомъ. Голубая, аккуратно сложенная бумажка содержитъ слѣдующее: «Ваше предложеніе принято. Будьте сегодня въ 11 часовъ ночи въ отель Крильонъ и спросите миссъ Семсонъ». Подпись: «Анри Бельвиль».

Муратъ-Бей понимаетъ о какомъ предложе-

нiи говорится въ запискѣ. Признаться, онъ не расчитывалъ на такой поворотъ дѣла. За эти дни онъ забылъ и блондинку и происходившій разговоръ. «Мое поведеніе заинтригивало американку» — думаетъ онъ.

Кавказецъ увѣренъ, что онъ, какъ мужчина, уже не такъ особенно интересуетъ сумасбродную посѣтительницу кабарэ. Ея самолюбіе задѣто — самолюбіе красивой молодой женщины и самки. Если только она богата — а это видно по всему — что ей стоитъ выбросить 50.000 франковъ за одинъ капризъ обладанія мужчиной, въ дѣйствіяхъ котораго столько загадочнаго и нечистойнаго ни его происхожденія, ни его прошлой жизни.

Мурат-Бей поднимается въ первый этажъ — въ бюро директора ресторана; заявляетъ секретарю греку о своей болѣзни и отпрашивается въ отпускъ на весь вечеръ. Затѣмъ, не теряя времени, такъ какъ уже безъ двадцати одиннадцать, вскакиваетъ въ проѣзжающее, свободное такси и велитъ себя везти въ отель Крильонъ.

Худой, съ лицомъ евнуха, швейцаръ предупрежденъ о визитѣ князя. Онъ лично открываетъ кавказцу дверцы лифта и провожаетъ его до третьяго этажа, гдѣ помѣщается комната блондинки. 125 номеръ. Мурат-Бей стучится...

Кружевное дезабилье лиловаго цвѣта чуть-чуть прикрываетъ наготу упругаго надушеннаго тѣла американки.

— Какъ вы точны, — говоритъ она. Въ тонѣ ея голоса звучитъ и насмѣшка и удовольствіе.

— Я спѣшилъ исполнить вашъ приказъ, уважаемая миссъ Семсонъ, — отвѣчаетъ кавказецъ серьезно.

— Мой приказъ?

— Ну, да. Ваша записка мало отличается отъ образца военныхъ приказовъ, къ которымъ я привыкъ.

— Ахъ, записка — улыбается американка, но вѣдь ее составлялъ мосье Анри...

Мурат-Бей одѣтъ въ свѣтло-зеленую черкеску. Коричневые сапоги обтягиваютъ его стройныя ноги до самыхъ колѣнъ. Золотой кинжалъ медленно покачивается на кожаномъ ремнѣ пояса, словно регулируя равновѣсіе между двумя половинами его тѣла, соединенными между собой узенькой, какъ стебелекъ, таліей.

Американка не спускаетъ съ него глазъ, точно впервые видитъ его сегодня. Строгій, выдержанный, изящный и, какъ то по особенному, странный и красивый, онъ дѣйствуетъ на нее. Въ ея жизни были разные мужчины, но такого, какъ Мурат-Бей она встрѣтила впервые. — Располагайтесь на диванѣ, — обращается она къ кавказцу, опуская электрическую кнопку.

Слабый, розоватый свѣтъ наполнилъ комнату. Американка обнимаетъ голову Мурат-Бея и шепчетъ ему на ухо:

— Неужели я вамъ совсѣмъ не нравлюсь. Мнѣ такъ больно сознавать, что

вы пришли ко мнѣ исключительно изъ за денегъ.

Муратъ-Бею неловко отъ ея словъ. Онъ думаетъ такъ же, какъ и она, но отвѣчаетъ другое:

— Каждый живетъ своимъ ремесломъ, миссъ Семсонъ. Жизнь научила меня убивать свои чувства въ самый моментъ ихъ появленія. Отъ нихъ мало пользы. Меньше, чѣмъ отъ денегъ, во всякомъ случаѣ.

Молодая женщина выпрямляется, долго и удивленно смотритъ на танцора и говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ — къ дѣлу. Вотъ вамъ обѣщанный пакетъ.

Она бросаетъ къ его ногамъ пачку перевязанныхъ веревочкой тысячныхъ билетовъ.

— А теперь — берите меня, князь.

Все ниже и ниже склоняется голова Мурать-Бея, а подъ ней, по щекамъ крупныя капли слезъ стекаютъ на его бѣлоснѣжный бешметъ. Но кто ихъ замѣтитъ? Кто узнаетъ причину ихъ появленія?.. Муратъ-Бей продаетъ себя въ эту ночь, но, можетъ быть, этой ужасной цѣною онъ съумѣетъ купить завтра жизнь другого человѣка, который ему дороже и самолюбія и гордости и своей собственной жизни.

**
*

Въ понедѣльникъ съ утреннимъ кофе горничная подала миссъ Семсонъ, богатой американкѣ изъ Бостона, обычный номеръ «Нью-Іоркъ Геральдъ» и два письма, изъ которыхъ одно въ особенности привлекло ея вниманіе. На конвертѣ былъ княжескій гербъ.

Собираясь вскрыть письмо, ея взглядъ упалъ на газету, гдѣ крупнымъ шрифтомъ красовалась ея фамилія. Заинтригованная и обезпокоенная, она впилась въ «Нью-Іоркъ Геральдъ». Въ статьѣ говорилось слѣдующее: «Господинъ редакторъ, позвольте черезъ посредство вашей уважаемой газеты выразить мою глубокую признательность миссъ Семсонъ, живущей въ отель Крильонъ, за широкую благотворительность въ размѣрѣ 50.000 франковъ, переданными ею мнѣ на оказаніе помощи больному русскому офицеру, нуждающемуся въ немедленной отправкѣ въ Швейцарію на лѣченье. Миссъ Семсонъ сдѣлала доброе дѣло и Богъ не забудетъ ей этого. Съ уваженіемъ, князь Мурать-Бей Мурза-Саркасскій».

Пораженная статьей и неувѣренностью въ своихъ догадкахъ, американка разрываетъ конвертъ. Письмо написано блестящимъ англійскимъ языкомъ: «Дорогая миссъ Семсонъ. Не для того, чтобы оправдать свой поступокъ я пишу Вамъ это письмо. Въ данный моментъ мнѣ совершенно безразлично, какого мнѣнія Вы будете обо мнѣ. Да что, вообще, можетъ меня интересовать, кромѣ горя, которымъ полна жизнь моихъ послѣднихъ дней и о которой Вы узнаете ниже. Этимъ письмомъ мнѣ хочется Вамъ показать, какъ велика безсердечность людей, когда это касается оказанія помощи нуждающемуся больному человѣку, въ то время какъ эти же люди для своихъ личныхъ похотей могутъ пожертвовать суммой, достаточной на спасеніе нѣсколькихъ обреченныхъ жизней... Вотъ уже два года, ужасный туберкулезъ уноситъ моего единственнаго брата въ могилу. Весь мой заработокъ я тратилъ на врачей и безъ результата. Мѣсяцъ тому назадъ консиліумъ докторовъ рѣшилъ, что спасеніе больного зависитъ отъ его пребыванія въ Швейцаріи. Гдѣ мнѣ было достать денегъ? Женщины въ ночномъ кабарэ похотливо поглядывавшія на меня, тратившія тысячи на шампанское за богатымъ столомъ, отказывали въ суммѣ, необходимой хотя бы только на дорогу въ Швейцарію. Женщина платитъ только за товаръ, да еще такой, который ей нравится... Я сдерживался, не желая падать до такой низости; ждалъ и вѣрилъ.

Но здоровье моего брата ухудшалось съ каждымъ днемъ и я рѣшилъ продать себя. На всемъ свѣтѣ у меня нѣтъ никого дороже моего брата. Вы были первой желающей, я Вамъ сказалъ свою цѣну...

Теперь мой больной братъ уже далеко; вчера утромъ поѣздъ умчалъ его въ Давосъ и на душѣ у меня стало легче.

Вѣра въ то, что онъ будетъ жить наполняетъ все мое существо такимъ счастьемъ, что грязь, въ которую я окунулся ради его спасенія, не оставила никакихъ слѣдовъ позора на моей чести — настолько велика моя любовь къ брату. Прощайте. Князь Муратъ-Бей».

Рука съ письмомъ безсильно падаетъ на одѣяло. Искреннія и трогательныя слова кавказца болѣзненно сжимаютъ ея сердце. Сколько кругомъ настоящаго горя, безвыходнаго и тяжелаго?!.

Миссъ Семсонъ вскакиваетъ съ постели, нажимаетъ кнопку и принимается за укладываньe чемодановъ. И когда входитъ горничная, она, не поворачиваясь, отдаетъ короткій приказъ:

— Велите задержать мѣсто на пароходѣ «Иль де Франсъ». Я уѣзжаю сегодня-же вечеромъ.

Кн. Маргани.

ИЛЛЮСТРАЦІ

Фот. *Mond Illustrée*

† **Президентъ Поль Думеръ,**
убитый 6 мая въ Парижѣ
подлой рукой провокатора и агента Чека.

Фот

Горгуловъ чекистъ и убійца
Думера – въ комиссар

Фот. *Mond Illustrée*

Маленькій **Чарль Линдбергъ,**
похищенный и убитый
гангстерами.

Фот

Американка **Амелія Еарга**
пересѣкшая Атлантическій океанъ въ
минутъ. За сходство съ великимъ
также за тождественный успѣхъ —
канка прозвана «маленькій Ли

И ЗА МѢСЯЦЪ

ond Illustrée
резидента
Ь.

Фот. *Mond Illustree*

Альбертъ Лебрэнъ,
новый Президентъ Французской Республики.

ond Illustrée
тъ,
часовъ, 15
іаторомъ, а
Влаа амери-
ергъ».

Фот. *Mond Illustrée*

Главнокомандующій французской арміей
Генералъ Вейгандъ въ формѣ академика.

Праздникъ русскаго искусства

●

Выставка картинъ русскихъ художниковъ занимающая залы галлереи Ренессансъ и привлекающая огромное количество посѣтителей всѣхъ національностей, имѣетъ кромѣ своей художественной цѣнности также общественный и національный интересъ.

Дѣйствительно, это первая выставка русскихъ художественныхъ произведеній со времени войны и иностранцы вполнѣ справедливо убѣдятся въ томъ, что русское искусство стоитъ на должной высотѣ.

Въ центрѣ Парижа на рю Ройяль въ галлереѣ Ренессансъ открылась большая выставка русскихъ художниковъ. Мы подчеркиваемъ слово — большая. До сихъ поръ въ Парижѣ наши художники ютились въ интимныхъ маленькихъ залахъ и выступали передъ публикой, такъ сказать, одиночками.

На этотъ же разъ въ Парижѣ семья русскихъ живописцевъ и скульпторовъ объединились въ залитыхъ свѣтомъ помѣщеніяхъ Ренессанса. Объединилась безъ различія направленій. Это, пожалуй единственный случай, когда на сосѣднихъ цитатахъ висятъ мастера такъ называемаго стараго направленія бокъ о бокъ съ не только умѣренными модернистами, но и съ піонерами рѣзко лѣвыхъ теченій. Такое явленіе можно лишь привѣтствовать. О, если бы примѣру художниковъ послѣдовали и группы нашихъ политическихъ «вѣрованій»!

Организаторъ выставки — энергичный, неутомимый М. М. Федоровъ. Его можно было бы назвать «штатскимъ» Баратовымъ, но только безъ чарующей Баратовской мягкости, о которой мы теперь вспоминаемъ съ особеннымъ, волнующимъ чувствомъ...

Почти цѣлая стѣна отведена старѣйшему изъ русскихъ живописцевъ — Константину Коровину. Вотъ, дѣйствительно, колористъ, Божьей милостью! Нестерпимо ярко, ослѣпительно горятъ его краски. И хотя творчество Коровина слишкомъ извѣстно, но все же нельзя не сказать о его картинѣ съ трепетно-гаснущимъ вечеромъ и съ двумя дѣвушками. Онѣ тянутся къ прозрачнымъ, свѣжимъ сумеркамъ, вливающимся въ окно. Ихъ зоветъ чарующими зовами русская, не знающая себѣ равной на свѣтѣ, весна, зоветъ соловьиная пѣснь, полная неизъяснимыхъ восторговъ...

И какъ это не все прекрасно и по колориту, и по такимъ говорящимъ, такимъ «психологическимъ» силуэтамъ обѣихъ дѣвушекъ.

Династія Бенуа представлена тремя поколѣніями. 80-ти лѣтній Альбертъ Николаевичъ Бенуа показалъ себя такимъ же тонкимъ, изысканнымъ акварелистомъ, каковымъ былъ въ расцвѣтѣ своей славы и своей породистой, физической красоты.

Младшій братъ его Александръ, свѣжѣе и лучше, чѣмъ въ свой Петербургскій періодъ и не осталось и слѣда отъ его прежней, чуть-чуть жестковатой манеры.

Очень хорошъ его племянникъ — Альбертъ Александровичъ Бенуа, заставившій говорить о себѣ въ послѣдніе годы цѣлымъ рядомъ собственныхъ, акварельныхъ выставокъ.

Знаменитый Паоло Трубецкой далъ нѣсколько скульптурныхъ эскизовъ и миніатюрную модель безобразнаго памятника Императору Александру III-му, такъ пришедшагося по вкусу большевикамъ, что они оставили его на Знаменской площади въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

Князь Шервашидзе, казалось всецѣло отдавшій ся широкой, декоративной живописи, далъ нѣсколько, вдумчиво отдѣланныхъ и сочныхъ натюрмортовъ.

Вещиловъ, пожалуй, навсегда покончившій съ жанромъ, обмолвился эфектной, бытовой вещицей: «Егорьевъ день».

Билибинъ и Сомовъ. Первый неожиданно выступилъ какъ пейзажистъ, второй выставилъ два небольшихъ, превосходныхъ портрета.

Борисъ Шаляпинъ далъ портретъ удивительно схожій — Бориса Григорьева и портретъ Рахманинова, въ которомъ скорѣе угадывается Керенскій, чѣмъ великій русскій композиторъ.

Бывшій московскій меценатъ, князь Щербатовъ, всю свою жизнь покупавшій чужія произведенія, теперь самъ выступаетъ какъ живописецъ. Необходимо отмѣтить также молодого и талантливаго художника Вербова, который далъ превосходный, выдержанный въ тонахъ, портретъ мадамъ Вандербильдъ.

Въ заключеніи упомянемъ портреты молодого художника Пастухова, пейзажи стараго воспитанника Академіи Художествъ Лаховскаго, натюрморты Браза, чудесные этюды Серебряковой, «наготу» Шмарова, нѣжно-серебристые пейзажи Соллогуба.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на этой богатой, пышно подобранной выставкѣ. Она несомнѣнно привлечетъ иностранцевъ не только художественной стороной своей, но и благотворительной. Значительный процентъ съ проданныхъ вещей пойдетъ въ пользу нуждающейся русской эмиграціи.

Николай Вериго.

Драма спичечнаго короля

●

Иваръ Крегеръ...

Человѣкъ, только послѣ смерти ставшій знаменитостью... Но какой сенсаціонной, какой головокружительной знаменитостью...

Въ чемъ же секретъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не смолкающей трескучей фанфаронады!..

Въ томъ, что спичечный король, Иваръ Крегеръ, одинъ изъ первыхъ богачей Стараго Свѣта оказался и, опять таки послѣ смерти, — мошенникомъ...

Иваръ Крегеръ

Но — мошенникомъ совсѣмъ не въ такомъ «планетарномъ» размахѣ, какъ его милліарды, а самымъ обыкновеннымъ вульгарнымъ мошенникомъ... Онъ кропотливо, собственноручно поддѣлывалъ чужія подписи. Онъ фальсифицировалъ отчеты своихъ акціонерныхъ обществъ... Самъ выстукивалъ на машинкѣ всѣ свои «поддѣлки».

Самъ выстукивалъ на машинкѣ... Кто? Иваръ Крегеръ... Человѣкъ, въ чьихъ спичечныхъ владѣніяхъ никогда не заходило солнце. Человѣкъ, дававшій деньги взаймы государствамъ. И не какимъ-нибудь маленькимъ, а такимъ великодержавнымъ, какъ Германія.

Германія-то и погубила его. Онъ споткнулся на ней, какъ можетъ споткнуться на апельсинной коркѣ лучшій танцоръ, лучшій акробатъ и гимнастъ.

Эта апельсинная корка, увы, была роковой для спичечнаго короля... Сумма взятая Германіей у Крегера была поистинѣ астрономической. Во французской валютѣ это — палочка съ такимъ количествомъ нулей, когда уже теряется всякое представленіе о количествѣ денегъ и всѣми овладѣваетъ почтительная скука.

Гранитный шведъ менѣе всего былъ благотворителемъ и человѣколюбцемъ.

Да, онъ подпиралъ государства, колеблемые вѣтромъ финансовой разрухи, но взамѣнъ своихъ Крегеровскихъ подпорокъ неукоснительно требовалъ:

— Моя спичечная диктатура у васъ и ничья больше!..

Безъ клейма Ивара Крегера ни одна спичечная коробка не смѣла появиться на территоріи государства — будь это королевство, будь это республика — находившаяся въ вассальной зависимости отъ Крегера.

Комбинація не плохая:

Одной рукой Гранитный Шведъ выгребалъ свой по истинѣ чудовищный спичечный доходъ, а другой — заимообразно-данную сумму.

И все шло какъ по маслу...

И росло количество астрономическихъ нулей и богатѣлъ стихійно, до отвращенія стихійно Иваръ Крегеръ...

Но надо же подвернуться апельсинной коркѣ... Обнищавшая, раздираемая междуусобицей и безработицей Германія не заплатила Крегеру въ срокъ задолженныхъ милліардовъ франковъ.

И сразу каменный Скандинавскій Коллосъ почувствовалъ себя коллосомъ на глиняныхъ ногахъ... Зашатался...

Исполинскій механизмъ исполинской спичечной имперіи требовалъ денегъ, денегъ и денегъ... А деньги таяли...

Надо было сохранить «лицо» передъ лицомъ всего міра. Надо было показать, что все об-

стоитъ благополучно и на фронтѣ Крегера все спокойно...

И вотъ тутъ-то принялся Крегеръ за свои каллиграфическія упражненія... Тутъ-то и забѣгали его пальцы по клавишамъ пишущей машинки...

И параллельно съ этимъ онъ рванулся въ Нью-Іоркъ въ надеждѣ перехватить сотню другую милліоновъ долларовъ.

Только бы завертѣлись вновь колеса механизма!..

Но Америка сама находилась подъ зловѣщимъ знакомъ отчаяннаго кризиса. Это съ одной стороны. А съ другой... Съ другой — американскіе банкиры какимъ-то звѣринымъ нюхомъ учуяли неладное въ дѣлахъ Крегера...

Угадали подъ панталонами съ далеко не свѣжей складкой, — Крегеръ никогда не былъ щеголемъ, — глиняныя ноги, вмѣсто гранитныхъ.

Отказъ. Очень вѣжливый, но отъ этой вѣжливости у Крегера холодокъ пошелъ струйкой вдоль спины.

Судорожный бросокъ... Крегеръ въ Парижѣ. Дорогой онъ простудился. Схватилъ жестокій насморкъ. Какъ у Наполеона въ день Бородинскаго боя.

Крегеръ собралъ у себя группу парижскихъ финансистовъ. Рѣчь шла о бездѣлицѣ въ какой-нибудь милліардъ франковъ... Отказали. Еще вѣжливѣй, чѣмъ американскіе банкиры, но все же отказали.

Этотъ день былъ для спичечнаго Бонапарта не днемъ Бородина, а гораздо хуже — Ватерлооской катастрофой... Крегеръ застрѣлился...

Не случись насморкъ, кто знаетъ, быть можетъ вывернулся бы путемъ какихъ-нибудь смѣлыхъ, геніальныхъ ухищреній. Да и безъ всякихъ ухищреній долго могъ бы еще сохранять лицо... Увы, насморкъ исключаетъ всякую творческую работу. Мозгъ перестаетъ быть гибкимъ, становится чугуннымъ. Мысли тяжело ворочаются какъ колеса въ размякшей глинѣ...

А ко всему этому — страшное нервное переутомленіе...

Но вотъ еще, что весьма примѣчательно, — сердцевѣды, психологи разберитесь. — Крегеръ покупая револьверъ дабы размозжить себѣ черепъ, долго торговался. Онъ хотѣлъ купить самое лучшее орудіе смерти по самой дешевой цѣнѣ...

И это все еще по инерціи, продолжая быть очень богатымъ, такимъ богатымъ — на десятки лѣтъ хватило бы сотнѣ приличныхъ семействъ.

И такой короткій финалъ, какъ трескъ револьвернаго выстрѣла...

Милліардеръ, спасшій отъ краха нѣсколько государствъ и не спасшій самого себя — въ личной жизни былъ не только скроменъ, а прямо скареденъ... Въ Парижѣ онъ не только не имѣлъ особняка, онъ не имѣлъ даже порядочной квартиры. Онъ ютился въ банальной, изъ трехъ комнатъ — гарсоньеркѣ. Не было даже своего собственнаго телефона. Консьержка соединяла его съ домовымъ телефономъ.

Подумайте только: Крегера спѣшно вызываютъ Лондонъ, Брюссель, Берлинъ. Каждая секунда выростаетъ въ милліоны, а Крегеръ терпѣливо ждетъ пока освободится проводъ. Пока прекратитъ свою болтовню легкомысленная сосѣдка съ такимъ же легкомысленнымъ поклонникомъ своимъ:

— Такъ смотрите же у Берри... Займите столикъ на верху... Только не опаздывайте...

— Нѣтъ, нѣтъ, буду во время...

— Честное слово...

— Честное слово...

А Лондонъ, Брюссель и Берлинъ ждутъ. Ждетъ Иваръ Крегеръ...

Бѣдный милліонеръ...

Отказывая себѣ въ телефонѣ, Крегеръ много сдѣлалъ для благосостоянія своей родной Швеціи.

Онъ широко финансировалъ рекламу вокругъ имени своей компатріотки, — Греты Гарбо. Благодаря ему она стала такой несравненной кино-звѣздой. И Грета не была его любовницей. Она была шведкой. И лишь во имя этого шведъ Крегеръ покупалъ и покупалъ европейскую и американскую прессу...

Любовницы?..

Ихъ, вообще, не было у Крегера...

Дѣвственникъ?..

Можетъ быть... А можетъ быть и другое... Изрѣдка онъ себѣ позволялъ маленькія эскапады на Монпарнассъ... Тамъ его видѣли въ обществѣ жеманныхъ юношей съ подведенными глазами и съ вихляющими бедрами...

Но и это ему обходилось въ нѣсколько сотъ франковъ, не болѣе...

Его политическій обликъ?..

Такой же сбивчивый какъ и онъ самъ... Выгода прежде всего...

Онъ мучительно жаждалъ овладѣть спичечной монополіей въ странѣ Совѣтовъ... Ѣздилъ въ Москву. Ухаживалъ за кремлевскими палачами.

Кремлевскіе палачи закармливали его свѣжей икрой, но отъ Крегеровской диктатуры на своемъ спичечномъ рынкѣ — ускользнули. Самимъ хотѣлось торговать собственными спичками — благо еще не вырубленныхъ осинъ сколько угодно... Хватитъ не только на спички, а и на то, чтобы когда пробьетъ часъ, понавѣшать на этомъ чудномъ деревѣ Іудъ-комиссаровъ.

Крегеръ пробовалъ субсидировать коммунистическія газеты, но и эти попытки были тщетны...

Онъ былъ демократъ. Онъ ежедневно справлялся у своей консьержки о здоровьѣ ея больного сына. Только въ день самоубійства позабылъ справиться. И консьержка очень недовольно была уловлена этимъ...

О Крегерѣ много писали и еще больше напишутъ. Это дѣло историковъ. Мы же мыслимъ бѣглую зарисовку его портрета вполнѣ достаточной...

Энбе.

Король дѣтскихъ игрушекъ

На какомъ только поприщѣ не выдвинулась русская эмиграція.

Объ искусствѣ и говорить нечего...

Русскіе, пѣвцы, музыканты, живописцы, артисты балета, всюду заставляютъ говорить о себѣ, всюду вызываютъ восхищеніе.

Но даже и въ такой области, какъ мастерство художественныхъ игрушекъ, пальма первенства за русскимъ.

Да, нашъ соотечественникъ сказалъ здѣсь новое слово, совершенно реорганизовавъ дѣтскую игрушку.

Это — ротмистръ В. А. Хегстремъ.

Мы помнимъ Володю Хегстрема еще кадетомъ одного изъ петербургскихъ корпусовъ. Уже тогда юношей онъ былъ извѣстенъ въ спортивныхъ кругахъ своей красивой посадкой и смѣлой ѣздою всегда безъ стремянъ.

Прошло три года. Хегстремъ корнетъ одного изъ блестящихъ полковъ. Его потянуло къ живописи. Всегда тянуло. Онъ выходитъ въ запасъ, поступаетъ въ императорскую академію художествъ и вскорѣ одинъ изъ первыхъ въ классѣ батальной живописи.

Вспыхиваетъ великая война. Хегстремъ мгновенно мѣняетъ кисть на отточенную шашку въ своемъ родномъ эскадронѣ.

Нѣсколько дерзкихъ конныхъ атакъ, нѣсколько раненій, нѣсколько боевыхъ наградъ, нѣсколько чиновъ до ротмистра включительно.

А дальше... дальше Югъ Россіи. Хегстремъ въ бѣлой арміи. Отважнымъ кавалеристомъ показалъ онъ себя въ борьбѣ съ красными центаврами Буденнаго.

Агонизирующій Крымъ... Константинополь... Парижъ...

Какъ воспоминаніе о героической эпохѣ, какъ бранный символъ виситъ въ его монпарнасскомъ ателье гусарская шашка, снесшая не одну большевистскую голову...

Снова за кисть...

Небольшіе жанры и пейзажи, талантливо и со вкусомъ написанные въ изысканной и сочной манерѣ, имѣютъ успѣхъ. Ихъ раскупаютъ. Но ворвавшійся кризисъ вынуждаетъ Хегстрема измыслить себѣ иной источникъ заработка.

Онъ сочинилъ нѣсколько игрушекъ. Озаренное мыслью, окрыленное фантазіей и движеніемъ это было и ярко и ново.

Не художникъ предлагалъ свои модели, а къ нему стучались «дѣлатели» игрушекъ.

Игрушки Хегстрема — «баллистическія». Не только дѣти — взрослые увлекаются ими.

Эти броненосцы, мечущіе снаряды, эти фигурки, живо, ловко и мѣтко жонглирующія деревянными тарелками, эти скачущіе всадники, эти звѣри, обезьяны, слоны, — завоевали не только Парижъ, но и Берлинъ, доселѣ бывшій впереди всѣхъ въ искусствѣ дѣтской забавы.

Ротмистръ Хегстремъ по заслугамъ по праву увѣнчалъ себя короной «Короля Игрушекъ».

Пожелаемъ ему еще долго, долго носить ее...

Фраскуэлло.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГЪ

ГАМЛЕТЪ

Спектакль оконченъ. Занавѣсъ задернутъ.
Актеры разошлись. Потушены огни.
Въ дверяхъ тяжелыхъ ключъ повернутъ.
Теперь мы съ маскою одни.

Я подхожу къ гримировальному столу,
Походкой дѣланной, актерской,
И тянется по грязному полу
Мой плащъ дешевый, бутафорскій.

И въ зеркалѣ подъ слоемъ пудры,
Мнѣ кажется безгласный ликъ,
И дразнитъ острый мой языкъ,
То что толпѣ казалось мудрымъ.

И, такъ какъ, некому мнѣ лгать,
То въ зеркало сквозь пыльную завѣсу,
Я начинаю самъ же для себя играть
Свою послѣднюю и страшную піесу.

Иванъ Мозжухинъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ

А. Н. РУБЕЖАНСКАЯ

Большіе, темные глаза. Въ этихъ глазахъ — душа Востока съ его исканіемъ, съ его томленіемъ духа. Эти глаза принадлежатъ миніатюрному, хрупкому существу, а рѣчь этого существа подкупаетъ своей искренностью, порой вдохновенной, порой дѣтски-наивной, но въ обоихъ случаяхъ, — плѣнительной.

Это — Александра Рубежанская, молодая писательница, въ два года сдѣлавшая себѣ крупное, международное имя двумя романами, вышедшими у Фаяра. Одинъ — «Мнѣ четырнадцать лѣтъ», а другой, появившійся совсѣмъ недавно, шумно встрѣченный критикой и восторженно такимъ знатокомъ литературы, какъ Леонъ Доде — называется «Черная роза».

Успѣхъ, такой исключительно рѣдкій, не вскружилъ голову романистки. Хмѣль славы ничуть не опьянилъ ее. Наоборотъ, она сама заявляетъ:

— Я чувствую, какъ еще много мнѣ надо учиться, какъ еще много надо работать надъ своимъ стилемъ, надъ своей техникой...

Къ моему счастью, въ этомъ отношеніи желаннымъ учителемъ является мой мужъ, въ совершенствѣ владѣющій французскимъ литературнымъ языкомъ.

Супругъ молодой романистки извѣстный врачъ является авторомъ нѣсколькихъ цѣнныхъ въ медицинскомъ мірѣ книгъ. Съ трогательнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за успѣхами своей жены, этотъ симпатичный человѣкъ съ мощной атлетической фигурою.

Рубежанская готовитъ къ печати новый романъ и параллельно съ этимъ пишетъ нѣсколько разсказовъ для парижскихъ журналовъ.

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ ПО НѢМЕЦКИ

Въ крупной нѣмецкой газетѣ «Гамбургеръ Нахрихтенъ» напечатанъ романъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго «Поздняя месть». Въ русскомъ изданіи онъ озаглавленъ «Голубой мундиръ». Такъ какъ этотъ романъ носитъ ярко анти-большевистскій характеръ, то его появленіе на иностранномъ языкѣ, въ особенности же въ Гамбургѣ, въ этой штабъ-квартирѣ германскаго коммунизма, можно только привѣтствовать.

ВѢРНЫЙ ДРУГЪ ЛЮДЕЙ ПЕЧАТИ

Совсѣмъ недавно русскія, французскія, польскія и, вообще, иностранныя газеты и журналы, подробно отмѣтили десятилѣтіе пребыванія Поля Ландовскаго на посту секретаря Союза Международныхъ Журналистовъ.

Ландовскій, этотъ блестящій франко-польскій журналистъ почти всецѣло посвятилъ себя Союзу, его нуждамъ, задачамъ и цѣлямъ...

Ландовскій, до трогательнаго заботливый отецъ, братъ, другъ и опекунъ пестрой и многочисленной фаланги журналистовъ разныхъ странъ и оттѣнковъ кожи, обращающихся къ нему за тѣмъ, или другимъ содѣйствіемъ.

Это содѣйствіе сплошь да рядомъ выходитъ далеко за рамки профессіональныхъ интересовъ.

«Осложненія» съ префектурой, виза, картъ д-идантите, льготный проѣздъ, курортныя блага для больныхъ и прочее, прочее, прочее, — все это съ искрометной быстротою улаживается Ландовскимъ, при его большихъ связяхъ, въ его скромномъ кабинетѣ, такомъ же скромномъ, какъ и онъ самъ.

Много такихъ кабинетовъ можно было бы оклеить благодарственными письмами, скопившимися у Ландовскаго за десять лѣтъ. На какихъ только языкахъ, изъ какого только далека не приходили эти полныя признательности письма...

Шанхай, Гавайскіе острова, Новая Зеландія, Южная Африка, Латинскія республики Южной Америки.

Но все же, еще внимательнѣй и отзывчивѣй относится Ландовскій къ русской пишущей средѣ, лишенной родины, въ значительной степени обездоленной и морально, и матерьяльно. Подавляющее большинство любитъ и цѣнитъ Ландовскаго.

Не поэтому ли кучка завистниковъ, ревниво интригуетъ противъ Ландовскаго, унижаясь до гаденькихъ доносовъ, — эти доносы съ брезгливымъ чувствомъ читаютъ Ландовскому тѣ самые, кто получилъ ихъ?..

Разумѣется, доносы такъ же анонимны, какъ и телефонные звонки съ угрозами по адресу Ландовскаго...

Презрѣнная тактика... Презрѣнные анонимы...

Чѣмъ чище человѣкъ, тѣмъ больше пытаются закидать его грязью...

Тщетныя усилія...

А. М-ни.

СТРАНИЧКА

РЕПОРТАЖЪ АЛДАНОВА

Репортажъ въ широкомъ значеніи слова, какъ документально-художественное изображеніе злободневной дѣйствительности, выдвинулъ цѣлую фалангу французскихъ писателей и журналистовъ. Но и намъ русскимъ есть, кѣмъ гордиться въ этой области.

Это авторъ талантливыхъ романовъ Алдановъ, показавшій рядомъ своихъ политическихъ характеристикъ, что и здѣсь онъ на такой же высотѣ, какъ и въ сферѣ своего романа. Скажемъ больше: пожалуй, ни у него никто не поднимался до такой художественности и глубины въ портретномъ репортажѣ. Его сильныя, смѣлыя «зарисовки» испанскаго короля, ирландскаго мятежника де Валеры, Лиги Націи — великолѣпны.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

Книгоиздательство Зелюка выпустило въ свѣтъ на русскомъ языкѣ поучительную и скорбную книгу. Авторъ ея — погибшій отъ злодѣйской пули президентъ французской республики Думеръ. Книга посвящена четыремъ сыновьямъ президента, павшимъ геройской смертью за славу и честь Франціи. Написанная большимъ патріотомъ и большимъ человѣкомъ, эта книга по праву должна занять почетное мѣсто въ каждой семьѣ. Ея воспитательное значеніе — громадно.

ЖУРНАЛИСТЪ-ВЕТЕРАНЪ

Это — Н. А. Нотовичъ. Ему 76 лѣтъ, онъ участвовалъ въ двухъ освободительныхъ войнахъ, и пересталъ трехъ Императоровъ. Александръ III поручалъ ему спеціальныя дипломатическія миссіи въ Азіи, на Балканахъ и въ Западной Европѣ.

Н. А. Нотовичъ закончилъ недавно новый свой романъ изъ жизни Людовика XV.

Большой интересъ для русскихъ и иностранцевъ представляетъ также его книга о Россіи, вышедшая на французскомъ языкѣ.

ВѢРНЫЙ ДРУГЪ РУССКОЙ ЭМИГРАЦІИ

Извѣстный французскій писатель Пьеръ Милль напечаталъ нѣсколько столь же талантливыхъ, сколь и горячихъ статей въ защиту русской эмиграціи. Авторитетное заступничество Пьера Милля пришло въ самый нужный моментъ, почти трагическій для тѣхъ русскихъ, которыхъ принято называть «бѣлыми» и которые находились подъ Дамокловымъ мечомъ, вотъ-вотъ готовымъ опуститься.

У всѣхъ русскихъ сейчасъ на устахъ имя Пьера Милля и сотни тысячъ русскихъ сердецъ тянутся къ нему, обуреваемые самой пылкой признательностью. Но и помимо той прекрасной роли, которую сыгралъ въ эти тревожные дни французскій писатель, необходимо отмѣтить, что и, вообще, вся его творческая физіономія всегда была полна искренности и благородства. Нощутно скажемъ, что и весь французскій народъ нашелъ въ себѣ достаточно и такта, и спокойствія, чтобы понять полную непричастность русской эмиграціи къ преступленію, всколыхнувшему весь міръ своей чудовищностью...

КАЛИНА — ПИСАТЕЛЬ

Недавно вышелъ въ свѣтъ томикъ воспоминаній знаменитаго вѣнскаго портного. Эта книга имѣетъ успѣхъ не только въ Австріи.

Портной Л. Калина готовитъ къ печати свои мемуары, обнимающіе всю его жизнь. Онъ удѣляетъ много мѣста придворной и свѣтской жизни Вѣны конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но еще обширнѣй и подробнѣй у Калина Петербургскій періодъ съ его охотами дипломатическаго корпуса, на которыя Калина, чудесный стрѣлокъ, всегда приглашался. Въ теченіи многихъ лѣтъ Калина былъ дружонъ съ Австро-Германскимъ посломъ въ Петербургѣ Барономъ Эренталемъ.

Есть, что вспомнить...

Въ слѣдующемъ номерѣ будетъ напечатанъ нашумѣвшій разсказъ кн. А. Мартанъ, появившійся въ новогоднемъ номерѣ французскаго журнала «Bravo», подъ названіемъ «Смерть Героя».

Мода въ искусствѣ

◆

Было время, когда веселящійся, блестящій Петербургъ увлекался нѣмецкой оперой. Затѣмъ онъ сталъ увлекаться оперой итальянской. Потомъ вѣнской опереттой, съ очаровательной Беттн Стоялъ во главѣ. А потомъ — вновь итальянцы. И только пройдя черезъ всѣ эти этапы, петербургская публика снизошла, наконецъ, до русской оперы. Въ Маріинскій театръ «на» Фигнера, Чернова и Яковлева было такъ же трудно попасть, какъ и на Мазини, или Баттистини.

На все своя мода, свое время...

Почти такую же капризную смѣну вкусовъ можно было наблюдать и въ балетѣ съ той лишь разницей, что русскій балетъ былъ единственнымъ и вкусы публики мѣнялись лишь въ отношеніи различныхъ балетныхъ теченій.

Маріусъ Петипа и Левъ Ивановъ безраздѣльно царили на императорской сценѣ до тѣхъ поръ, пока по Россіи не проѣхала Эйседора Дунканъ, подъ вліяніемъ которой, знаменитый нынѣ, М. Фокинъ сдѣлалъ свои первыя постановки.

Новшество было неожиданнымъ и «дерзкимъ». на первыхъ порахъ не знали, что о немъ сказать и только рядъ блестящихъ статей Валерьяна Свѣтлова, опредѣленно привѣтствовавшаго новое теченіе, развязали языки и разбили театральную публику на два лагеря: «фокинистовъ» и «классиковъ».

Разбилась не только публика на сторонниковъ этихъ двухъ теченій, но и артисты. И въ то время, какъ Кшесинская и Преображенская оставались вѣрными прежнимъ завѣтамъ, Карсавина перешла въ противоположный лагерь и стала неизмѣнной участницей всѣхъ фокинскихъ постановокъ.

На Фокинѣ задержались сравнительно долго: онъ былъ признанъ столь-же «классичнымъ», какъ и его предшественники, а первые, робкіе шаги въ сторону подлиннаго модернизма были сдѣланы москвичемъ Горскимъ. Каждая постановка его вызывала шумъ и толки. На нихъ изъ Петербурга ѣздили смотрѣть въ Москву, пока, наконецъ, пререкія не поручила ему сдѣлать въ Маріинскомъ театрѣ постановку «Донъ-Кихота».

Увлеченіе Петипа и Ивановымъ постепенно проходило. Публикѣ нравилось повшество. Оно имѣло успѣхъ.

Но въ то время какъ Петербургъ и Москва не шли лѣвѣе Горскаго. Дягилевъ заграницей ушелъ далеко впередъ: его балетмейстеры Б. Нижинская и Л. Мясинъ сломали и отшвырнули всѣ догмы и каноны классическаго танца и занялись исканіями новыхъ путей, по которымъ могло-бы въ дальнѣйшемъ пойти искусство танца.

Не сдавалась въ Европѣ только Анна Павлова: по прежнему въ ея программѣ былъ «Умирающій лебедь» и «Тщетная предосторожность». Осталась она имъ вѣрной до конца своихъ дней, глубоко вѣря въ то, что всѣ такъ называемыя новыя теченія, есть дань перемѣнчивому времени, что рано, или поздно они заведутъ искусство въ тупикъ, если только не дойдя до него, не изживутъ сами себя.

Съ каждой постановкой, съ каждымъ днемъ Дягилевцы все дальше и дальше уходили отъ подлиннаго танца пока, наконецъ, не дошли до «На д-астьэ», вызвавшаго подлинный скандалъ на премьерѣ.

Казалось, что этимъ балетомъ поставлена послѣдняя точка на исканія новаторовъ, что дальше идти некуда, что неизбѣженъ регрессъ, или безконечное топтаніе на мѣстѣ.

И дѣйствительно, всѣ послѣдующія постановки какъ бы подтверждали это предположеніе: въ нихъ все было только варіаціями на прой-

женное, перепѣвомъ уже слышаннаго, а послѣднія новинки «Балъ» и «Блудный сынъ» прошли почти незамѣтно, не вызвавъ своимъ появленіемъ никакого интереса.

Сбылось предчувствіе Анны Павловой: кругъ исканій былъ завершенъ, требовалось найти изъ него выходъ...

Напрасно пытался Сергѣй Лифарь на сценѣ Національной Оперы продолжать популяризацію того теченія, на которомъ онъ вырось и которое его создало. Всѣ его попытки оказались тщетными и онъ рѣшилъ рискнуть и отказаться отъ всего того, что до сихъ поръ самъ исповѣдовалъ и однимъ изъ лучшихъ пророковъ чего онъ былъ.

Лифарь рѣзко повернулъ въ сторону Петипа и Иванова, онъ свернулъ съ пути, по которому до сихъ поръ шелъ и пошелъ по протореннной дорожкѣ, нѣкогда создавшей славу русскому балету.

«Измѣна» Лифаря произвела впечатлѣніе разорвавшейся бомбы...

«Жизель», «Спектръ розы», «Синяя красавица», вошли въ репертуаръ руководимый Лифаремъ и стали неизмѣнно собирать публику. Она шумно привѣтствовали возвратъ къ подлинному искусству, къ настоящему танцу.

За то изъ противоположнаго лагеря на него посыпались нареканія: ренегатъ, говорили одни, — какъ могъ онъ взрощенный и созданный Дягилевымъ измѣнить тому, что такъ горячо проповѣдывалъ покойный...

— Онъ ищетъ дешеваго успѣха, — шептали другіе, забывая, что какъ разъ въ постановкахъ Мясина, Баланчина и Нижинской не имѣлъ Лифарь себѣ равныхъ.

Кажется, что не правы ни первые, ни вторые: Лифарь ничему и никому не измѣнялъ, а просто понялъ, что путь по которому онъ шелъ, или, вѣрнѣе, его вели, путь невѣрный и едва онъ вышелъ на широкую дорогу и оказался самостоятельнымъ въ своихъ взглядахъ, какъ ради искусства и только ради него одного, отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ отъ всего напоснаго и ненужнаго въ области танца, имѣлъ мужество отказаться отъ всего того, исповѣдникомъ чего его дѣлали до сихъ поръ и теперь старается и работаетъ на пользу того, что не можетъ ни зайти въ тупикъ, ни изжить самого себя, какъ изжилъ модный, но уже всѣмъ пріѣвшійся крайній модернизмъ.

Петербуржецъ.

ХРОНИКА

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ классическихъ танцовщиковъ Б. Фроманъ вышелъ изъ состава труппы Русскаго Балета.

Во время одного изъ спектаклей въ Монте-Карло артистъ серьезно повредилъ себѣ ногу, а потому временно долженъ прекратить свои выступленія.

□

Приглашенная на серію выступленій въ Каиръ бывшая артистка Дягилевскаго балета Лидія Павлова, въ виду большого успѣха остается въ Египтѣ еще на мѣсяцъ, откуда потомъ уѣзжаетъ въ Аѳины.

□

Вскорѣ въ студіи М. Ф. Кшесинской состоится празднованіе трехлѣтія со дня ея основанія. За три года студія дала нѣсколько выдающихся танцовщицъ, занимающихъ сейчасъ въ разныхъ труппахъ первенствующее положеніе: Рябушинская и Ростова въ Русскомъ Балетѣ и Ушкова въ балетѣ Нижинской выступаютъ сейчасъ на амплуа балеринъ.

□

Извѣстный опереточный комикъ А. С. Полонскій въ концѣ текущаго мѣсяца устраиваетъ свой спектакль. Пойдетъ оперетта — «Кафэ де ля Пэ». Гриммы большинства участниковъ будутъ портретны и хорошо знакомы русской эмиграціи. Самъ Полонскій дирижируетъ оркестромъ.

□

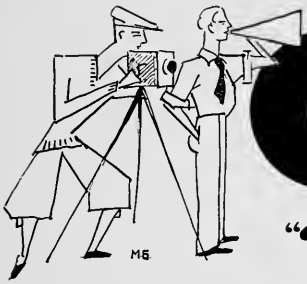
Балерина О. Спесивцева уѣхала въ отпускъ и въ текущемъ сезонѣ на сценѣ Гранъ-Опера больше выступать не будетъ.

■ ■ ■

ЛИЗА МУРАВЬЕВА

Послѣ недолгаго отсутствія, Лиза Муравьева, извѣстная исполнительница цыганскихъ и французскихъ романсовъ, снова появилась передъ парижской публикой. На перекресткѣ двухъ улицъ заманчиваго Монмартра — наша соотечественница устроила свой живописный и очаровательный уголокъ, являющійся въ данный моментъ мѣстомъ встрѣчи элегантной публики.

Обаятельная дама по себѣ и одновременно обладательница рѣдкаго, захватывающаго голоса съ примѣсью того, что французы называетъ «quelque chose d'étrange», Лиза Муравьева, съ первыхъ же дней открытія своего «Уголка», заставила говорить о себѣ большую часть французской прессы.



СИНЕМА

"Une Heure près de toi"

Этотъ фильмъ является продукціей Парамоунта и вполнѣ заслуженно имѣетъ успѣхъ. Въ главныхъ роляхъ выступаютъ любимцы публики: Морисъ Шевалье и популярная, благодаря своей красотѣ и той скандальной исторіи, которую создала пресса вокругъ ея имени (въ связи съ личностью Итальянскаго Принца Гумберта), холивудская ведетта — Жанета Макъ-Дональдъ.

Жанета Макъ-Дональдъ

Вотъ содержаніе фильма:

Докторъ Андре Бертіе (Морисъ Шевелье) безумно влюбленъ въ свою жену Коллетъ (Ж. Макъ Дональдъ). Но очаровательная Мици Оливье (Лили Дамита) жена строгаго профессора Оливье, является лучшей подругой Колетъ и питаетъ къ Андре нескрываемую симпатію.

Зная, что Андре — молодой докторъ — неравнодушенъ къ женскимъ чарамъ, она притворяется больной и по телефону вызываетъ его къ себѣ. Колетъ, увѣренная, что ея подруга на самомъ дѣлѣ нездорова, сама уговариваетъ своего мужа навѣстить больную.

Андре отправляется, рѣшивъ, что въ послѣдствіяхъ этого визита будетъ виноватъ не онъ, а Мици. Впрочемъ, виновникомъ можетъ быть и профессоръ Оливье, который во что бы то ни стало хочетъ добиться развода съ женой.

Андре желаетъ остаться примѣрнымъ мужемъ. Во время большого, званаго обѣда жена устроила ему мѣсто рядомъ съ Мици. Онъ мѣняетъ карточки и сажаетъ рядомъ съ собой другую подругу своей жены мадамъ Мартель.

Колетъ страдаетъ, думая, что ея мужъ, флиртуетъ съ нею.

Послѣ обѣда Мици уводитъ Андре въ паркъ и шутя развязываетъ ему галстухъ.

Тогда Андре обращается къ мадамъ Мартель съ просьбой завязать ему галстухъ. Но въ этотъ самый моментъ появляется Колетъ.

Послѣдняя устраиваетъ мужу бурную сцену ревности и Андре, что бы спастись отъ упрековъ своей жены, ищетъ общества Мици, но уже не какъ докторъ, а какъ любовникъ.

Съ другой стороны Адольфъ, уже давно влюбленный въ Колетъ, заставъ ее въ удрученномъ состояніи, пользуется случаемъ объясниться ей въ любви.

Колетъ даетъ себя цѣловать, но сейчасъ же раскаивается и проситъ его оставить квартиру.

Позже, Андре снова сходится съ женой, тогда какъ Мици покидаетъ своего мужа. Профессоръ ви-

дитъ въ этомъ жестѣ жены вину Андре и бросаетъ ему въ лицо горькіе упреки.

Колетъ не подозрѣвала о связи мужа съ Мицци, но онъ въ одинъ прекрасный день, говоритъ ей всю правду.

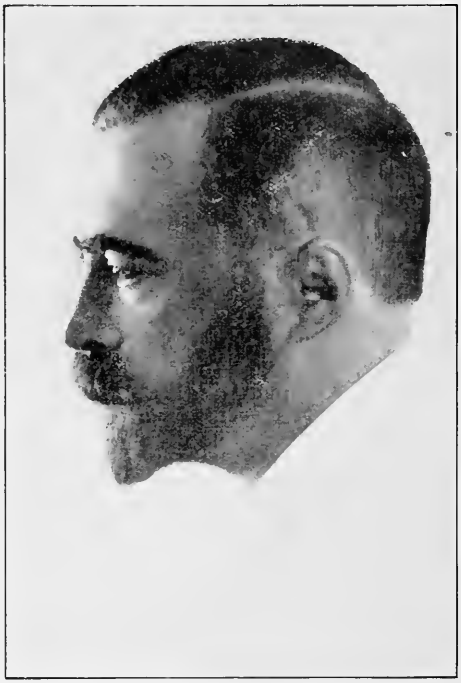
Въ порывѣ отчаянія, а затѣмъ злобы, она рѣшаетъ отомстить, и разсказываетъ Андре въ преувеличенномъ видѣ любовную сцену, разыгравшуюся съ Адольфомъ. Послѣдній, появившійся какъ разъ въ этотъ моментъ, пораженъ тому, что услышалъ.

Но Колетъ, не теряя хладнокровія, заканчиваетъ свою выдуманную исповѣдь и предлагаетъ Андре забыть старое и начать новую, пригожую жизнь.

Андре счастливъ этому предложенію тѣмъ болѣе, что онъ не повѣрилъ ни одному слову своей жены.

Съ облегченнымъ вздохомъ и еще болѣе влюбленный, чѣмъ раньше, онъ бросается въ объятія жены.

Николай Александровичъ Крыловъ, выступавшій въ фильмахъ изъ прошлаго Россіи, изъ за своего разительнаго сходства съ покойнымъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Въ настоящее время, Крыловъ ведетъ переговоры съ крупными французскими финансистами объ устройствѣ первой и единственной въ Европѣ фабрики консервированной, зажаренной дичи.



Н. А. Крыловъ

ЮМОРИСТИКА

ЗАЩИТНИКЪ СОЛОВЕЙЧИКА

Въ кахерѣ мирового судьи разбирается дѣло за то, что Соловейчикъ плюнулъ въ лицу купцу Петрову. Дѣло разсматривается во второй разъ, такъ какъ въ первый разъ на судъ Соловейчикъ не явился. Судья вызываетъ: «Соловейчикъ!». — «Здѣсь». — Ваше имя?». — «Чье мое?». — Ну, конечно ваше!». — «Абрамъ». — «Отчество?». «Чье мое?» «Ну, конечно, ваше». — «Абрамовичъ!». — «Сколько вамъ лѣтъ?». — «Кому мнѣ?». — «Нѣтъ мнѣ!». — «На видъ лѣтъ сорокъ». — «Почему вы не явились первый разъ на судъ!». — «Простите, господинъ мировой судья, но я былъ очень боленъ». — «Хорошо. Вы повѣстку получили, приняли?». — «Принялъ, не помогаетъ». — «Что вы можете сказать?». — «Я ничего. Встъ у меня человѣкъ, я ему далъ десять рублей, нехай гавкаетъ». — «Господинъ мировой судья. Господа присяжные засудители! Ламта дрита а ла шонисъ а ла шозъ!.. «Это что такое?». — «Это латинское предисловіе!». «Прежде всего здѣсь нѣтъ никакихъ присяжныхъ, здѣсь камера мирового судьи. Вы кто адвокатъ или помощникъ?».

«Нѣтъ, я парикмахеръ, но временно взялся за это дѣло». — «Слушайте что-же это такое Вы не успѣнули начать говорить, какъ вамъ уже дѣлаютъ замѣчанія?». — «Карабчевичу можно, а мнѣ нельзя!». — «Господинъ мировой судья. Прежде всего мы должны развязать одинъ узелъ, который здѣсь запутанъ между нами. Въ сущности говоря, что такое плевокъ? Эта такая жидкость, которая посредствомъ физическаго напряженія вылетаетъ изъ рта. Плевокъ во время своего полета попадаетъ на всевозможные предметы, напримѣръ: грамофонъ, патефонъ, телефонъ, собаку и человѣка. Въ данное время мы видимъ, что плевокъ попалъ на человѣка. Теперь мы будемъ разсматривать чи это было защищеніе, чи это было нападеніе. Если онъ бѣжалъ, онъ его нагонялъ, онъ ему въ спину плевалъ, то это было бы нападеніе, но такъ какъ онъ на него напиралъ, онъ ему въ лицу плевалъ, такъ это было защищеніе. Господинъ мировой судья. Я вижу на вашемъ лицѣ улибчатый взглядъ и пусть это солнышко, которое свѣтитъ черезъ эту открытую форточку, будетъ освѣщать ваше лицо, когда вы будете вынашивать справедливый приговоръ. Мы, передняя часть культурнаго, интеллигентнаго общества, должны всѣми силами вырвать его изъ подсудебной скамейки и бросить его въ объятія его единственной законной жены. Я заявляю, что онъ не виновенъ, мильонъ разъ, тысячу разъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Мы должны спасти этого невиннаго несчастнаго человѣка. Вы посмотрите на него! Развѣ можетъ онъ быть виновенъ. Господинъ мировой судья. Я требую и прошу благоразсудительнаго резюма для моего подзащитника объ его справданіи безъ всякаго снисхожденія. Я кончилъ».

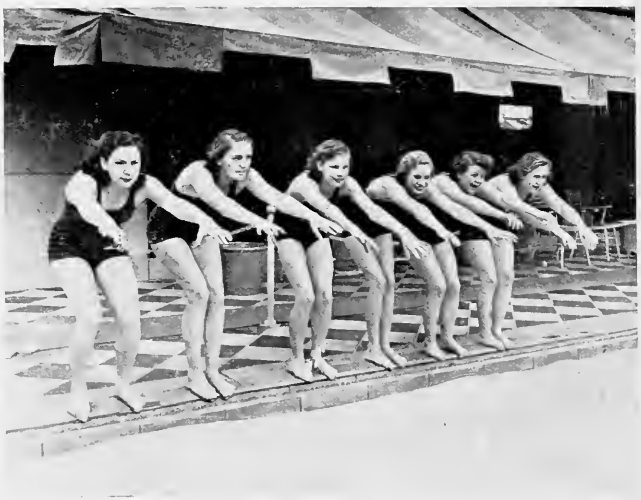
◆

ВПЕЧАТЛѢНІЕ О ТЕАТРѢ

Шли мы это съ кумомъ Михалъ Сидорычемъ ми мо кіатера, а кумъ Михал Сидоричъ говоритъ зайдемъ, время слободоное. Ну что же, говорю, зайдемъ. Подошли мы значитъ къ объявленьицу. Читаемъ. А кумъ Михалъ Сидорычъ грамотный, онъ и по французскому читалъ бы, если бы родные выучили. «Гамлетъ принцъ вятскій»! Ну что-же, зайдемъ? Зайдемъ. Подошли это мы значитъ къ кассерію, старше котораго нѣтъ, онъ даже подъ стеклышкомъ сидитъ. «А ну-ка кассерія, дай ка нахъ два билета на галдерейку, выше чего быть невозможно». «Извольте, пожалуйте шесть гривенъ». «Ну, ты уступи, мы стало быть гуртомъ, такъ ты и подешевле». «Нѣтъ, нельзя! У насъ такса». «Ну, ладно, отъ нашихъ денегъ не разбогатѣешь, а мы не обѣднѣемъ. Давай!». Купили, значитъ, мы билеты, а куда идти — не знаемъ. Мы, значитъ, къ форталь-ному. Не поймешь его, весь въ позументахъ. «Какъ молъ, намъ пройти на галдерейку, выше чего быть невозможно?». «Пожалуйте, говоритъ, на верхъ». Мы и пошли. Лѣстьница винтомъ, винтомъ. Вотъ, значитъ, мы въ кіатеръ и влѣзли. А въ кіатрѣ-то темень ужасная. И я говорю: «кумъ Михалъ Сидорычъ, ты бы пошелъ, мочевокъ купилъ да сальную свѣчку. Мы бы значитъ свѣчку-то зажгли, а мочевочки-бъ кушали!». Въ это время апердиня проходитъ. Все въ свое время будетъ, и гвиститель-о, посидѣли то мы немножко, какъ вдругъ весь тіатеръ зажегся

и чудно какъ! Огонечекъ, а сверху бутылочка прикатюркнута. Свѣту то, Господи Боже мой. Вдругъ стали господа сходить. По конуркамъ, какъ свиньи,

каждая въ свою конуру. Внизъ глянулъ—прямо стадо барановъ такъ и сидитъ. Вдругъ музыка заиграла. Вотъ это чудо. Кто на дудилкѣ, кто на сопилкѣ, а одинъ значитъ эту бандуру къ рылу приложилъ, такъ и смуржитъ по ней. А другой значитъ это кумодъ между ногъ поставилъ да какъ по пузу дергане, онъ какъ заревe, прямо за сердце бере. А одинъ значитъ сидитъ средь нихъ и кнутовищемъ размахиваетъ, чтобы значитъ не отставали. Только значитъ, я заглядѣлся на всю музыку, какъ вдругъ кумъ, Михалъ Сидорычъ заоретъ на весь кiатеръ «кумъ, глядь, стѣна пошла»! Э-й, прямо такъ и пошла. Я прямо такъ и обмеръ. Вдругъ, это вышла то-о-олстая, претолстая баба и начала до того жалостливо говорить, до того жалостливо, а что — непонятно. Вдругъ, это значитъ вышелъ сынъ ее, Мамлетка: «Мать ты моя родная, зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ родила», и пошли они ругаться. Вдругъ другая стѣнка развернлась и тѣнь тятеньки выскочила. Вотъ тутъ и пошла потасовка. А я и говорю: «кумъ Михалъ Сидорычъ, драки не будетъ»? «Нѣтъ, говоритъ, по программѣ не сказано». Вдругъ кумъ Михалъ какъ захохочетъ на весь кiатеръ. «Кумъ, говорю, что смѣешься?». «Какъ же это говорить между первымъ и вторымъ дѣйствiемъ полтора года проходитъ. Что же это мы за тридцать копѣекъ тутъ полтора года сидѣть будемъ. Пойдемъ, кумъ». Мы и пошли изъ кiатера.



Холливудскія наяды тренируются къ состязаніямъ.

Фотогр. Tennis et Golf

Одинъ изъ маневровъ чемпіонки тениса **миссъ Нехталь**

Побѣдителемъ на велосипедныхъ гонкахъ Парижъ — Бордо оказался, неожиданно, бельгіецъ Роменъ Шизель.

◇

Гонки вокругъ Италіи въ этомъ году вызвали большой интересъ всего спортивнаго міра. Вновые, за много лѣтъ, Анри Пелисіе, французъ, уступилъ первенство Герра, итальянцу по національности.

Въ Голандіи выпущенъ первый велосипедъ, снабженный электрическимъ моторомъ, дѣйствующимъ при помощи аккумулятора (помѣщеннаго въ нижней части рамы).

Первые опыты оказались настолько удачными, что **электро-велосипедъ** будетъ фабриковаться въ 5-ти голландскихъ заводахъ.

Максимальная скорость велосипеда 22 километра въ часъ.

МОДЫ

Среди новыхъ деталей, выявившихся въ модѣ, нельзя оставить безъ вниманія двѣ — очень характерныя, которыя навѣрно и будутъ господствовать надъ модой плоть до слѣдующаго сезона прежде всего — узкая линія платьевъ, расширяющихся въ нижней части юбки, а, затѣмъ, — увеличеніе ширины плечъ.

Большинство платьевъ и манто выкроены «avec dos princesse» и напоминаютъ стиль эпохи Второй Имперіи.

Среди новыхъ, красивыхъ идей въ творчествѣ моды надо отмѣтить двухъ цвѣтные и трехъ цвѣтные платья съ свѣтлымъ корсажемъ; юбка же и рукава темнѣе всего ансамбля. Бываетъ и обратное сочетаніе тоновъ. Преобладаетъ комбинація красокъ: чернаго, бѣлого и ярко-краснаго.

Вечернія мантиліи, или накидки, поданы во всевозможныхъ варіаціяхъ — гдѣ онѣ одинаково очаровательны и практичны. Того же цвѣта, что и платье, онѣ съ успѣхомъ могутъ, при желаніи, замѣнять robe d'après-midi.

Можно сказать съ увѣренностью, что розовое — комбинируется съ чернымъ цвѣтомъ въ вечернихъ туалетахъ, тогда какъ, въ послѣобѣденныхъ, преобладаетъ соединеніе темно-синяго съ bleu lavande.

Olga V.

Похитители Генерала Арматова

Романъ въ 3-хъ частяхъ Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО

Часть первая

1. Въ константинопольскомъ салонѣ шведской баронессы

— Нѣтъ, право-же, это очень занятно! Какъ вы его назвали? «Крысиный шейхъ»?

— Да,баронесса, «Крысиный шейхъ», — подтвердилъ смуглый, съ породистымъ профилемъ офицеръ въ формѣ капитана Четвертаго полка африканскихъ стрѣлковъ.

— О немъ говоритъ весь Константинополь, — продолжала баронесса.—Еще немного и, какъ модная фигура, онъ затмитъ самого Мустафу Кемаля, готовящаго какой-же сюрпризъ тамъ, въ глубинѣ своей Малой Азіи. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, капитанъ, чѣмъ-же онъ занимается здѣсь этотъ загадочный нубіецъ? Ловитъ этихъ противныхъ крысъ?

— Ловитъ? О, нѣтъ, это было-бы очень вульгарно, онъ не былъ-бы ничуть загадочнымъ, и въ вашемъ салонѣ, баронесса, никто не упомянулъ-бы о немъ, — возразилъ капитанъ Паризо де Ла Валлэ.

— Такъ объясните-же намъ, что это такое? Вы колоніальный офицеръ, вы служите въ Марокко и видѣли арабскихъ колдуновъ, маговъ, заклинателей змѣй? — и поощряющей улыбкой на молодомъ, красивомъ лицѣ, лицѣ восточной брюнетки, баронесса Сковеніусъ торопила капитана высказаться.

Во-первыхъ, этотъ офицеръ со звучнымъ именемъ потомка крестоносцевъ — одна изъ примѣтокъ ея салона, а, во-вторыхъ, Паризо де Ла Валлэ, сдѣлавшій свою военную карьеру въ Африкѣ, былъ, вообще, самъ по себѣ увлекательный собесѣдникъ, вдумчивый, наблюдательный. И пока, не спѣша, этотъ капитанъ-солдатъ и свѣтскій человѣкъ вставлялъ въ глазъ свой монокль, готовясь говорить, окружающіе готовились слушать. Даже парочки, флиртовавшія по угламъ шестигранной, большой, убранной коврами комнаты, затихли, и насторожились.

Ничто такъ не привлекаетъ, какъ все, связанное съ таинственными силами, внушеніемъ, съ чѣмъ-то потустороннимъ.

Даже у левантинокъ, томныхъ, по гаремному, лѣнивыхъ и сонныхъ, загорѣлись глаза.

Паризо де Ла Валлэ съ твердо угнѣздившимся въ глазной орбитѣ круглымъ стекляшкомъ, положивъ обѣ руки на гнутый эфесъ стоявшей между колѣнями кавалерійской сабли, началъ:

Н. Н. Брешко-Брешковскій

— Много лѣтъ назадъ въ Парижѣ была посмертная выставка Маріано Фортуни, геніальнаго соотечественника вашего, — бросилъ капитанъ взглядъ на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ испанскаго живописца Бельтрана-Масесъ, европейскую знаменитость. — Я былъ тогда юношей. Картина Фортуни «Заклинатель Змѣй» произвела на меня сильное впечатлѣніе. Думалъ-ли я тогда, что увижу настоящихъ заклинателей, не городскихъ фокусниковъ, работающихъ со змѣями, у которыхъ вырѣзано смертоносное жало, а выжженныхъ, высушенныхъ солнцемъ арабовъ съ копошащимся въ корзинѣ клубкомъ страшныхъ змѣй. Короткій укусъ ихъ отнимаетъ у человѣка жизнь... А эта обстановка? Эта пустыня, этотъ неостывшій еще отъ дневного зноя песокъ, этотъ звѣздный шатеръ небесъ, эти гортанные, придушенные голоса... И вдругъ все смолкаетъ и воцаряется глубокая, глубокая тишина... Полунагой старикъ съ выступающими ребрами и грудными костями, какъ у мучениковъ Рибейры, подноситъ къ губамъ свирѣль... И тихо льются заунывные, жалобные, увлекающіе куда-то звуки. Завораживающее очарованіе ихъ подчиняетъ себѣ че-

ловѣка. И безотчетно теряешь свою волю, свое собственное я, растворяешься въ этихъ звукахъ и готовъ итти на ихъ зовы въ самую глубь этой безбрежной пустыни...

Убѣдившись, что настроеніе создано, и одинаково блестятъ глаза и у левантинокъ, и у русскихъ и у дамъ изъ трехъ-четырехъ дипломатическихъ и военныхъ миссій, Паризо де Ла Валлэ продолжалъ:

— И вотъ, блестя холодной чешуей, свиваясь и развиваясь кольцами, изъ корзины выползаютъ одна за другой змѣи разной величины и окраски. Спиральными браслетами охватываютъ онѣ ноги неподвижно застывшаго араба, поднимаются все выше и выше, а затѣмъ такъ же медленно сползаютъ на песокъ, вытягиваясь надъ нимъ вертикально въ прямую палку. Помощникъ и ученикъ заклинателя, молодой арабъ атлетическаго сложенія, беретъ эту живую палку одной рукой у головы, другой у хвоста и тщетно пытается согнуть о свое бронзовое колѣно. Пружинятся мускулы, лицо искажается нечеловѣческимъ усиліемъ, а чешуйчатая палка не подается, какъ если-бы это былъ массивный желѣзный ломъ, обшитый змѣиной кожею...

Помощникъ бросаетъ ее на песокъ. Змѣя вновь поднимается вертикально и стоитъ стойма, вопреки всѣмъ законамъ механики, словно поддерживаемая цѣлой системой невидимыхъ нитей. Эти невидимыя нити — гипнотизирующіе звуки свирѣли...

Заклинатель мѣняетъ позицію и подъ тихую, жалобную мелодію его свирѣли, всѣ эти змѣи покорно исчезаютъ въ корзинѣ...

Откинувшись на спинку стула и плавнымъ жестомъ вынувъ изъ глаза монокль, капитанъ Паризо могъ убѣдиться въ произведенномъ эфектѣ.

Всѣ, особенно дамы, еще переживали нарисованную имъ картину. Онѣ видѣли желтый песокъ пустыни, видѣли высохшаго араба съ его свирѣлью, видѣли клубокъ змѣй, холодныхъ, пестрыхъ, словно покрытыхъ мозаикой.

И только послѣ длительной паузы, послышались восклицанія, пока еще робкія въ своей боязни спугнуть настроеніе. Были и просто короткія и полныя изнеможенія:

— Ахъ!..

Кто-то похвалилъ:

— Капитанъ очень художественно разсказываетъ...

— Капитанъ ничуть не менѣе художественно пишетъ — подхватила баронесса, — развѣ вы не знаете томикъ его африканскихъ впечатлѣній, вышедшій, правда, подъ псевдонимомъ?

Многіе пріятно удивились, но болѣе всѣхъ, пожалуй, былъ удивленъ самъ капитанъ. «Откуда знаетъ баронесса то, чего не знали даже близкіе ему люди?».

Онъ успѣлъ подумать объ этомъ вскользь. Баронесса вернула его къ «крысиному шейху»:

— Милый капитанъ, вы все знаете, все умѣете. Нельзя-ли на него посмотрѣть поближе? У него тоже свирѣль?

— Да, крохотная, костяная, толщиною въ мизинецъ. Эти заклинатели крысъ получаютъ большія деньги. Цѣлыя города освобождаютъ они отъ маленькихъ прожорливыхъ хищниковъ, уничтожающихъ запасы хлѣба и, вообще, всякаго продовольствія. А весь Константинополь, особенно портъ, кишитъ крысами. У маленькихъ дѣтей онѣ изгрызаютъ личики, прокравшись ночью въ колыбель...

Кое-кто скептически улыбнулся, кое-кто усумнился вслухъ:

— Но, вѣдь, при первомъ же болевомъ ощущеніи ребенокъ проснется, закричитъ и находящимся по-близости взрослымъ ничего не стоитъ прогнать крысу?..

Капитанъ Паризо въ свою очередь скептически улыбнулся.

— Надо знать жизнь крысъ, этихъ умныхъ, опасныхъ, обладающихъ поистинѣ даромъ ясновидѣнія животныхъ. Это, правда, общеизвѣстно, но все-таки я напомню. Массовое бѣгство крысъ съ корабля, стоящаго въ гавани, вѣрный показатель, что корабль этотъ, выйдя въ открытое море, потерпитъ крушеніе. Но я возвращаюсь къ дѣтямъ. Крысы далеко не сразу начинаютъ свою дьявольскую работу. Сначала, — именно обезпечить себѣ молчаніе беззащитной жертвы. Онѣ гипнотизируютъ спящихъ дѣтей, гипнотизируютъ пассами переднихъ лапокъ и взглядомъ. Дѣти становятся нечувствительными къ физической боли и просыпаются только подъ утро съ изъѣденнымъ и обглоданнымъ личикомъ. Въ совѣтской Россіи, гдѣ крысы такъ же голодаютъ, какъ люди, въ дѣтскихъ пріютахъ бывали случаи массоваго нападенія крысъ...

Капитанъ хотѣлъ продолжать, но баронесса Сковеніусъ перебила его:

— Паризо, милый, довольно! Это такой ужасъ! Лучше скажите: мы увидимъ крысинаго шейха?

— Нѣтъ ничего легче и проще, баронесса; черезъ два дня онъ уведетъ всѣхъ крысъ съ итальянскаго парохода «Корковедо», прибывшаго изъ Болгаріи съ мукою. Мы всѣ поплывемъ на лодкахъ. И хотя необходимо подняться съ зарей, никто не пожалѣетъ. Это куда интереснѣе вертящихся дервишей...

— Браво! браво! — зааплодировала баронесса. Капитанъ, мы съ вами организуемъ это зрѣлище для всѣхъ моихъ дорогихъ гостей...

2. По слѣдамъ Черной Розы

Баронесса Альма Сковеніусъ заблистала на берегахъ Босфора недавно, вскорѣ послѣ того, какъ къ этимъ берегамъ прибило флотилію съ побѣжденной, но не сломленной арміей генерала Врангеля. Къ тому времени на Ближнемъ Востокѣ создался весьма запутанный политическій узелъ. Внѣшне хозяйничали французы, англичане, американцы. Окку-

паціонный корпусъ ихъ насчитывалъ сотни тысячъ солдатъ, тысячи орудій. Въ Босфорѣ стояла мощная союзническая эскадра. Въ Ильдизъ Кіоскѣ, съ его сокровищницами, садами и гаремомъ, жилъ затворникомъ послѣдній султанъ. Власть его была призрачна. Ему былъ оставленъ только видимый почетъ. Но когда онъ въ коляскѣ ѣхалъ въ мечеть, по прежнему за этой коляской рысцой бѣжали высшіе сановники и министры.

А на пути изъ дворца въ пѣшемъ и конномъ строю развертывался личный конвой падишаха — гвардейцы и всадники въ красивой праздничной формѣ.

И все же еще этотъ величавый старикъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ усталымъ горбоносымъ лицомъ, былъ халифъ пятисотъ милліоновъ мусульманъ. Послѣдній халифъ...

Уже въ далекой захолустной Ангорѣ объявился недавній маленькій салоникскій чиновникъ, а затѣмъ офицеръ военнаго времени — мустафа Кемаль.

Оттуда, изъ Ангоры, Мустафа Кемаль грозилъ не только султану, опиравшемуся на 150 своихъ гвардейцевъ, но и Антантѣ которой было на что опереться. Тревожное поползло время, темныя интриги, зловѣщіе слухи. Но какъ всегда въ подобныхъ условіяхъ, почиталось за самое удобное и лучшее не обращать вниманія и не дооцѣнивать противника.

Генералы и адмиралы пожимали плечами въ густыхъ эполетахъ:

— Проходимецъ! Вся его авантюра лопнетъ, какъ мыльный пузырь. Намъ-ли, побѣдителямъ Германіи на морѣ и на судѣ, намъ-ли не справиться съ бандами голодныхъ оборванцевъ этого Бонапартика изъ Салоникъ?

Весело, повышенно и праздно бурлила жизнь въ Константинополѣ. Танцы въ Пера-Паласъ-Отелѣ, обѣды въ посольствахъ, обѣды на броненосцахъ, кутежи англійскихъ и американскихъ моряковъ, откровенный флиртъ, такое-же откровенное разбрасываніе шальныхъ денегъ и сказочныя спекулятивныя обогащенія въ нѣсколько дней.

Хотя Константинополь наводненъ былъ всевозможными развѣдчиками, а также и контръ-развѣдчиками, но менѣе всего возбуждали профессіональное вниманіе паспорта тѣхъ, кто жилъ открыто и принималъ у себя. Да, и у такихъ паспортъ всегда въ порядкѣ. Былъ онъ въ порядкѣ и у баронессы Альмы Сковеніусъ. Онъ гласилъ, что ей двадцать пять лѣтъ отъ роду и что она вдова барона Арнима-Августа-Адольфа Сковеніусъ. Запрошенный по этому поводу шведскій повѣренный въ дѣлахъ подтвердилъ, что дѣйствительно, баронъ Арнимъ-Августъ-Адольфъ Сковеніусъ существовалъ на бѣломъ свѣтѣ, былъ вѣрноподданнымъ Его Величества, и провелъ всю свою жизнь въ скитаніяхъ съ мѣста на мѣсто. А, такъ какъ, онъ былъ всегда отмѣннымъ любителемъ прекраснаго пола, то на склонѣ лѣтъ могъ вступить въ законный бракъ съ особой такой интересной внѣшности, какъ нынѣшняя баронесса Альма.

Баронесса Альма снимала трехэтажный особнякъ на Пера, роскошную виллу на Принцевыхъ островахъ, держала цѣлый штатъ бѣлой и темно-кожей прислуги, два автомобиля, а за ея столъ садилось иногда по сорокъ человѣкъ.

Послѣ этого, можно-ли допытываться, зачѣмъ она поселилась въ Константинополѣ? На какія средства живетъ? Да и къ тому-же первый вопросъ отпадалъ, какъ совершенно излишній. Въ то время столица Оттоманской имперіи считалась едва-ли не самымъ моднымъ и самымъ шикарнымъ центромъ въ Европѣ; уже потому хотя-бы, что нигдѣ нельзя было найти въ одномъ мѣстѣ въ такомъ изобиліи интересныхъ мужчинъ — цвѣтъ нѣсколькихъ армій и нѣсколькихъ флотовъ.

Русскій капитанъ-инвалидъ, торговавшій газетами на Грандъ рю де Пера однажды увидѣлъ на этой самой улицѣ баронессу Альму Сковеніусъ; она промчалась въ автомобилѣ. Увидѣлъ, задрожалъ и, стъ волненія выронивъ пачку съ газетами, готовъ былъ побѣжать за машиной.. Въ этотъ день онъ не могъ уже предлагать публикѣ свой скромный товаръ. Онъ поспѣшилъ къ другому офицеру, тоже во френчѣ, но не истлѣвшемъ, а новенькомъ, съ иголочки. Этотъ офицеръ служилъ въ англійской контръ-развѣдкѣ.

Инвалидъ описалъ свою встрѣчу съ красивой брюнеткой, описалъ сидѣвшаго рядомъ съ шоффероМъ полувыѣзднаго лакея, полукаваса араба въ высокой алой фескѣ и въ нарядной безрукавкѣ съ золотымъ шитьемъ.

— Да, да, знаю, — обрадовался контръ-развѣдчикъ, — это баронесса Сковеніусъ!

— Она такая же баронесса Сковеніусъ, какъ мы съ вами индійскіе магараджи! — пылко запротестовалъ инвалидъ. — Это — Черная Роза!

— Черная Роза? Что за чепуха!

— Совсѣмъ не чепуха! Звали ее Розой, а ходила она во всемъ черномъ; черная блуза, черные галифэ, черная фуражка. Отсюда—Черная Роза. Я видѣлъ ее собственными глазами годъ назадъ въ кіевской чрезвычайкѣ. Она собственноручно разстрѣливала бѣлогвардейцевъ. Садистка!..

Контръ-развѣдчикъ, засмѣявшись, покровительственно хлопнулъ инвалида по плечу:

— Полноте, дорогой мой, у васъ манія преслѣдованія. Черная Роза! Выдумаетъ же человѣкъ! Это для кино. Да вы понятія не имѣете, что у этой баронессы бываетъ: верховные комиссары, командующій всей англійской эскадрой на Ближнемъ Востокѣ, наконецъ, мой шефъ! Бросьте!

— Всѣ вы такъ: бросьте! — не унимался инвалидъ, — потому-то большевики и проникаютъ всюду. Знаете, не поговорить-ли мнѣ самому съ вашимъ прямымъ начальникомъ?

— Голубчикъ мой, да онъ и близко не подпу-

стить васъ къ себѣ! — критическимъ взглядомъ окинулъ контръ-развѣдчикъ истлѣвшій френчъ инвалида и пустой болтавшійся рукавъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Чортъ съ нимъ! — повторялъ капитанъ, охваченный приступомъ злобы. — Чортъ съ нимъ! Пусть! Но я только одного желаю, чтобы и у нихъ, у этихъ самодовольныхъ британцевъ, чтобы и у нихъ былъ большевизмъ! И будетъ, будетъ! Дождутся! — погрозился онъ единственнымъ кулакомъ своимъ.

3. Коммунистическій диктаторъ Ближняго Востока

Контръ-развѣдчикъ не прикрасилъ нисколько. Дѣйствительно, у баронессы Сковеніусъ бывали и верховные комиссары и вліятельные дипломаты, и еще болѣе вліятельные въ этой оккупаціонной зонѣ адмиралы и генералы.

До войны это врядъ ли было бы возможно. До войны не только свѣтское общество, но и примыкающіе къ нему международные круги были значительно требовательнѣе и разборчивѣе.

Да, война и русская революція, увѣнчанная большевизмомъ, стерли кастовыя перегородки, смѣшали понятія о порядочности и, вообще, «демократизировали» многое.

Вотъ почему въ шестигранный салонъ баронессы съ окнами на Босфоръ съѣзжались всѣ тѣ, кого поименовалъ контръ-развѣдчикъ, и не только въ единственномъ числѣ, а со своими женами и дочерьми.

Баронесса съ отвѣтными визитами бывала у нихъ въ Пера-Паласѣ, и въ реквизированныхъ особнякахъ, и на дредноутахъ.

Если инвалидъ не ошибся, и баронесса была въ недавнемъ прошломъ своемъ кіевской «Черной Розой», то надо отдать справедливость: «Черная Роза» успѣла таки нахвататься поверхностнаго лоска, безъ котораго почти невозможенъ «салонъ», особенно же политическій. Альма Сковеніусъ научилась владѣть общимъ разговоромъ, научилась улыбаться, когда слѣдуетъ — искательно, когда слѣдуетъ — съ надменнымъ высокомѣріемъ львицы. Она постигла искусство носить маску, но когда оставалась одна или въ обществѣ своихъ, тѣхъ, съ кѣмъ нечего было стѣсняться, или когда не ощущала на себѣ посторонихъ взглядовъ, — ея лицо, съ матовымъ, персиковымъ румянцемъ, откровенно принимало то самое выраженіе, которое бывало у Чеоной Розы въ кіевской чрезвычайкѣ передъ разстрѣломъ очередной партіи бѣлогвардейцевъ.

Ушелъ послѣдній гость, шефъ англійской контръ-развѣдки, гигантскаго роста полковникъ Макферсонъ. Выпито все шампанское, съѣдены всѣ сандвичи со свѣжей икрою и тончайшими ломтиками дорогой дичи, привезенной въ холодильникахъ изъ совѣтской Россіи.

Баронесса Альма осталась одна. Можно снять маску. Не считать же за людей этихъ темно-бронзовыхъ лакеевъ въ фескахъ и широченныхъ шальварахъ. Безшумными тѣнями, въ безшумно ступающихъ мягкихъ «бабушахъ», уносятъ они пустыя бутылки, посуду и переполненныя окурками пепельницы.

Опаловыя весеннія сумерки вливались въ шестигранный салонъ.

Черезъ часъ весь модный европейскій Константинополь будетъ обѣдать въ Пера-Паласѣ, у Токатліана и въ Парижанѣ. Баронессу тоже приглашали въ Пера-Паласъ-Отель, но черезъ часъ она будетъ обѣдать совсѣмъ въ иномъ обществѣ: товарищи Геллеръ и Биновичъ по телефону вызвали ее къ себѣ на азіатскій берегъ, въ Скутари, гдѣ подъ чужими именами поселились они въ домѣ турецкаго паши, жившаго постоянно въ Ниццѣ. Туда не заглядываетъ жандармерія и полиція союзниковъ. А если бы даже и заглянула? У Геллера латышскій паспортъ на имя Мартинсона, а Биновичъ пріѣхалъ забронировавшись персидскимъ подданствомъ.

Автомобиль доставилъ баронессу къ набережной. Тамъ она пересѣла въ ожидавшую ее моторную лодку, и эта лодка, новенькая, нарядная, сверкающая металлическими частями, устремилась вдоль Босфора, мимо дворца Дольма Бахче, мимо закованныхъ въ желѣзо плавучихъ крѣпостей съ гигантскими пушками.

На этихъ дредноутахъ и броненосцахъ зажигались огни, сновали молодцеватыя фигуры опрятно одѣтыхъ матросовъ, и все такъ и сіяло чистотою, порядкомъ и самой отчетливой дисциплиной.

Баронесса отворачивалась. Вмѣсто этихъ національныхъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ флаговъ, она предпочла бы красныя тряпки, буйный хаосъ и кровавый самосудъ надъ офицерами, какъ это было въ совѣтской Россіи.

Но — выдержка и терпѣніе! Пробьетъ часъ и для нихъ! Нужно только интенсивнѣе развить пропаганду. Баронесса такъ и подумала: «интенсивнѣе».

Моторная лодка обгоняла пыхтѣвшіе и съ глухимъ шумомъ вращавшіе колесами неуклюжіе, старые пароходы ближняго берегового плаванія. Эти ветхія, пережившія себя калоши, набитыя человѣческой гущей, были живописны множествомъ алыхъ фесокъ. Фески объединяли всѣхъ подданныхъ Оттоманской имперіи — турокъ, левантинцевъ, грековъ, армянъ, эспаніоловъ-евреевъ. Но красивый головной уборъ этотъ доживалъ послѣдніе мѣсяцы: Мустафа-Кемаль уже запретилъ въ Ангорѣ ношеніе фесокъ и грозился искоренить ихъ и на Босфорѣ, какъ только «выгонитъ» союзниковъ изъ Константинополя.

На маленькой деревянной пристани баронесса была встрѣчена Геллеромъ и Биновичемъ. Они жили въ нѣсколькихъ шагахъ и явились на пристань безъ шляпъ.

Геллеръ былъ высокъ и плотенъ. Надъ низкимъ лбомъ полнаго широкаго лица вспѣнилась копна

вьющихся каштановыхъ волосъ; плечи новаго щеголеватаго пиджака какъ пудрой усѣяны были перхотью. Геллеръ мнилъ себя неотразимымъ красавцемъ и не могъ забыть словъ одной русской дамы-аристократки, имъ же посаженной въ чрезвычайку:

— Положительно, въ васъ что-то Нероновское!

Этотъ большевикъ гордился сходствомъ съ римскимъ императоромъ.

Толстенькій Биновичъ, брюнетъ фармацевтическаго типа, въ недавнемъ прошломъ неотразимый Донъ-Жуанъ маленькихъ мѣстечекъ Юго-Западнаго края, былъ суетливѣе застывшаго въ своемъ величіи Геллера.

Всѣ трое очутились въ домѣ паши. Типичный турецкій домъ съ циновками, съ мозаичными полами, съ миніатюрными фонтанами въ каждой комнатѣ и съ живописью на стѣнахъ. Такъ какъ мусульманскій законъ запрещаетъ изображеніе людей и животныхъ, то эти фрески являли странное для непривычнаго глаза сочетаніе: коляска безъ лошадей и сѣдоковъ, лодка на морѣ съ опущенными веслами и безъ гребцовъ. И все остальное въ такомъ же духѣ.

Баронессу ждали съ обѣдомъ. Пышный обѣдъ съ закусками и шампанскимъ.

Говорилъ больше Геллеръ, и даже не говорилъ, а вѣщалъ. Онъ былъ тайнымъ коммунистическимъ диктаторомъ на Ближнемъ Востокѣ; явнымъ же диктаторомъ былъ генералъ Франше д'Эсперэ. Красная Москва вѣрила ему, Геллеру, и особенно повѣрила съ того момента, когда въ Петербургѣ, въ особнякѣ великобританскаго посольства, онъ застрѣлилъ англійскаго морского агента, капитана Кроми. Послѣ этого звѣзда Геллера засіяла на кровавомъ большевистскомъ горизонтѣ, и онъ получилъ завѣдываніе агитаціею среди «порабощенныхъ европейскимъ имперіализмомъ чернокожихъ и цвѣтныхъ народовъ».

Биновичъ былъ приставленъ къ нему чѣмъ-то вродѣ адъютанта, секретаря, а, можетъ быть, и шпіона; Биновичъ лишь начиналъ свою карьеру. Геллеръ былъ для него завиднымъ идеаломъ удачи и успѣха.

Обсасывая съ плотояднымъ причмокиваніемъ косточку бараньей котлеты и дѣлая «Нероновское» лицо, Геллеръ обрисовывалъ «ситуацію»:

— Товарищи, мы накануѣ если и не особенно великихъ, то во всякомъ случаѣ, довольно таки большихъ событій. Мы, рабоче-крестьянское правительство, бросили жребій. Съ французами и съ англичанами намъ не сговориться. Мы идемъ съ Кемалемъ и поможемъ ему, какъ заткнуть глотку галльскому пѣтуху, такъ и остричь когти британскому льву. Попросту говоря, близокъ моментъ сказать имъ: «убирайтесь вонъ отсюда!». И уберутся. Нѣтъ за ними реальной силы. Однимъ флотомъ ничего не сдѣлаешь, а экспедиціонный корпусъ ихъ разложился, и не безъ нашего таки благосклоннаго содѣйствія. Развѣ нѣтъ? — переспросилъ Геллеръ, вытирая жирныя губы салфеткой и уставившись водянистыми, холоднымъ глазами своими на баронессу. Биновича же онъ не удостоилъ взглядомъ.

Баронесса смотрѣла на Геллера съ восхищеніемъ. Онъ ей нравился и какъ мужчина и какъ «волевой» совѣтскій работникъ.

Онъ продолжалъ:

— А, вѣдь, мы — было чуть-чуть, самую чуточку, не опоздали. Кемаль хотѣлъ было уже броситься въ объятія Врангеля; онъ уже готовъ былъ подослать къ нему своихъ эмиссаровъ.

— Но, вѣдь, это же было бы чистымъ безумiемъ! — вырвалось у баронессы. — Что такое врангелевцы?

— Ошибаетесь, товарищъ Роза. Вы судите чисто по-женски. Врангелевская армія — это сила! Не забывайте, товарищъ, это бойцы, всего восемь недѣль тому назадъ бывшіе въ огнѣ, и въ какомъ огнѣ! Имъ нечего терять, потому что они потеряли все. Честное слово, если бы галлиполійскій корпусъ съ одними винтовками двинулся на Константинополь, онъ овладѣлъ бы имъ въ 24 часа. И тогда перевернулась бы новая страница исторіи. Побѣдители могли бы требовать, диктовать, и союзники уступили бы по всѣмъ пунктамъ. Да, да и морально и физически они не могутъ и не хотятъ воевать. Скажу больше: англійскіе и французскіе генералы втайнѣ сочувствуя Врангелю, ничего бы не имѣли противъ. Но демократическія правительства Парижа и Лондона, безсознательно играя намъ въ руку, всполошились и дѣлаютъ все возможное для распыленія арміи Врангеля въ безпорядочныя эмигрантскія банды. Разумѣется, мы всячески помогаемъ нашимъ неожиданнымъ союзникамъ. Но всетаки и бѣлогвардейскій корпусъ Галлиполи и казачьи части на Лемносѣ все еще опасны для насъ, пока еще физически живы и самъ Врангель и такой генералъ, какъ Арматовъ. Къ уничтоженію Врангеля уже приняты мѣры, Арматова же надо заманить въ совѣтскую Россію, пообѣщавъ ему высокій постъ въ красной арміи.

— Что вы, что вы, товарищъ! Арматовъ — нашъ злѣйшій врагъ и на это никогда не пойдетъ, — возразили въ одинъ голосъ и баронесса и Биновичъ.

Геллеръ со снисходительной улыбкой глотнулъ искрящагося холоднаго шампанскаго.

— Надо быть круглыми идіотами, чтобы эта попытка исходила прямо отъ насъ. Необходимо нейтральное лицо, которому Арматовъ могъ бы повѣрить, какъ своему человѣку, и которое прельститъ его тѣмъ, что онъ, Арматовъ, прибравъ красную армію къ рукамъ, что якобы весьма возможно съ его обаяніемъ и ореоломъ блестящаго генерала, сможетъ сдѣлать переворотъ. Если ловить его на эту удочку, честное слово, успѣхъ не исключенъ. Кому изъ бѣлыхъ вождей не снятся лавры Бонапарта? Во всякомъ случаѣ, попробуемъ. Вамъ, товарищъ Роза, я поручаю найти «искусителя». Если

клюнетъ, это будетъ прекрасно. Сорвется, — мы найдемъ способы покончить иначе съ Арматовымъ. Этотъ человѣкъ опасенъ, и не столько теперь, сколько въ будущемъ. Дерзость и смѣлость его безграничны! Неугомонный духъ авантюризма живетъ въ немъ. Если другіе генералы успокоятся, этотъ не успокоится! Онъ можетъ пробраться на Сѣверный Кавказъ, на Кубань, и поднять возстаніе. И за нимъ пойдутъ, и мы будемъ вынуждены начинать сызнова всю эту дорого стоющую канитель гражданской войны...

4. Крысиный шейхъ

Для Константинополя, города изъ волшебной сказки, богатаго экзотикой, живописной природою и единственной на свѣтѣ панорамой, но бѣднаго развлеченіями въ европейскомъ смыслѣ слова, это была сенсація.

Еще бы не сенсація! Говорилъ же въ салонѣ баронессы Сковеніусъ, капитанъ Паризо де Ла Валлэ, что рядомъ съ этимъ крысинымъ шейхомъ побѣдителютъ вертящіеся дервиши. Что такое дервиши? Фанатики, доводящіе религіозный экстазъ свой до изступленія. Да, они сами себя приводятъ въ изступленіе, сами себѣ внушаютъ. А здѣсь, здѣсь одинъ человѣкъ повелѣваетъ несмѣтнымъ полчищемъ загадочныхъ, злыхъ и умныхъ животныхъ...

Вотъ почему палубы крейсеровъ и дредноутовъ въ это раннее утро были превращены въ сплошной зрительный залъ. Вооруженные биноклями офицеры стояли за шезъ-лонгами своихъ гостей-дамъ. А «Корковадо», этотъ океанскій транспортъ, ушедшій глубоко въ воду подъ тяжестью болгарскаго хлѣба въ трюмахъ, еще ночью былъ переведенъ и поставленъ такъ, чтобы происходящее на немъ одинаково ясно можно было наблюдать со всѣхъ военныхъ кораблей.

И баронессѣ Сковеніусъ предлагали шезъ-лонгъ на одномъ изъ этихъ кораблей, но она предпочла выѣхать на большомъ, убранномъ коврами каикѣ. Поближе къ заклинателю крысъ и къ самимъ крысамъ.

Никто изъ дамъ не отважился сопутствовать баронессѣ. Немного было такихъ любительницъ сильныхъ ощущеній, какъ она. Въ свой каикъ баронесса пригласила нѣсколькихъ мужчинъ и въ числѣ ихъ капитана Паризо.

Колоніальный капитанъ, успѣвшій послѣ безсонной ночи только выкупаться, игралъ моноклемъ.

— Посмотримъ, посмотримъ этого чернокожаго Аполлона, который будетъ плѣнять звѣрей своей костяной свирѣлью вмѣсто благородной классической лиры.

Рядомъ съ каикомъ баронессы — другой каикъ, поменьше. На немъ художникъ Бельтранъ Масезъ съ большимъ альбомомъ и цвѣтными карандашами наготовѣ. Его открытое лицо съ крупными «наполеоновскими» чертами улыбалось вдохновенно-блуждающе. Онъ предвкушалъ интересную модель. Творческое воображеніе подсказывало цѣлую картину, а кругомъ все было такъ прекрасно въ этой нѣжной опаловой дымкѣ съ восходящимъ солнцемъ...

Хаотическій амфитеатръ только что проснувшагося Константинополя грезился какимъ-то жемчужно-перламутровымъ, вышедшимъ изъ воды миражемъ. И, какъ миражъ, онъ былъ воздушно-легокъ со своими, вплотную подошедшими къ Босфору домами, стройными иглами минаретовъ и свѣтящимся розовымъ мраморомъ дворца Дальма-Бахче.

Н. Брешко-Брешковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Покупайте

Mathis

Самый экономный, удобный, дешевый и быстроходный автомобиль.

TÉLÉPHONE:
MARCADET 03-05

„Roma"

Итальянскій ресторанъ

Завтраки, обѣды prix-fixe.
Открытъ всю ночь.
Музыка. Танцы

3, RUE HOUDON, 3.
(возлѣ Place Pigalle)

Дирекція ALFRED

Simonian

5, Place d'Alma, 5.

Tél.: Elysée 31-10

Можно хорошо и дешево позавтракать и пообѣдать.

PRIX FIXE ***10*** *fr.*

ЛѢТНЯЯ ВЕРАНДА

Madame MARA

8, RUE DELAMBRE.

Ясновидящая. — Гадаетъ по картамъ,

предсказываетъ будущее.

Цѣна отъ 25 франковъ.

BON

на право полученія скидки въ 50% у фотографа-художника ИВАНА НИКОЛЕНКО

278 BOULEVARD RASPAIL.

Tél.: Danton 58-74.

Покупайте

Яуртъ "BALIA"

Найдете во всѣхъ молочныхъ магазинахъ и ресторанахъ. Адресъ фабрики:

17, RUE VAUDERZENNE.

Русскимъ скидка.

Принимаю иконописную работу

Реставрирую старыя (Византійскій стиль)

BILANI

18, RUE LACORDERE. PARIS (15e)

Въ ближайшемъ будущемъ открывается

MAISON DE MODES **OLGA**

Въ слѣдующемъ номерѣ будетъ данъ адресъ.

Переписка

на русскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ аккуратно исполняется опытной дактило. Обращаться: 4, RUE DE TURIN. Tél.: Europe 60-59.

BLANCHISSERIE, TENTURERIE

7, SQUARE DESAIX.

Быстрое и аккуратное исполненіе заказовъ. Цѣны умѣренныя.

Въ какой-бы странѣ Вы не жили, — для пересылки денегъ и посылокъ въ СССР, — пользуйтесь только нашей фирмой.

Деньги въ Россію

съ обратной роспиской, по минимальному курсу. Деньги доходятъ до мѣста назначенія въ СССР — въ 8-10 дней.

Продуктовыя и вещевыя

Посылки въ Россію

исключительно изъ заграничн. товаровъ высш. качества

Посылки доходятъ до мѣста назначенія въ теченіе 10-15 дней.

Посылки высылаемыя нами выдаются въ Россіи на руки совершенно безплатно, за что мы ручаемся.

Въ случаѣ рекламаціи на деньги или на посылки мы немедленно посылаемъ за свой счетъ вторично или возвращаемъ полностью деньги.

Самыя дешевыя цѣны! Полный вѣсъ! Самые лучшіе продукты!

Требуйте каталогъ *Корреспонденція по русски*

Expédition B. BRILL

63, Rue Doudeauville, PARIS (18e)

Imp. de la Soc. Nouv. d'Ed. Franco-Slaves, 32, r. de Ménilmontant, PARIS (20e). *Le Gérant :* M. BISNOVATY